

Преподобный Стефан Филейский

ЖИЗНЬ
ПРЕБЛАГОСЛОВЕННОЙ
ВЛАДЫЧИЦЫ
НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ
ПРИСПОДЕВЫ МАРИИ

СЯНСЯ

Преподобный Стефан Филейский

**ЖИЗНЬ
ПРЕБЛАГОСЛОВЕННОЙ
ВЛАДЫЧИЦЫ
НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ
ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ**

Сатисъ
Санкт-Петербург
2003

*По благословению
Архиепископа Пермского и Соликамского
АФАНАСИЯ*

«...не одно небесное зрение видит в Ней Благодать, которой Она сподобилась от Бога; но в Церкви великой, во всей вселенной возглашается о Ней радость, и вместе с ангельским собором и человеческий род ублажает Ее», — пишет в своей книге иеросхимонах Стефан (Куртеев), впоследствии преподобный Стефан Филейский, рассказывая о земной жизни Пресвятой Богородицы и ее значении и помощи в деле нашего спасения.

В книгу включено также жизнеописание иеросхимонаха Стефана (преподобного Стефана Филейского).

Печатается по изданию Сытин и К°. 1902 г. Москва.

ISBN 5–7373– 0130–3

© Издательство «Сатисъ», составление, оригинал-макет, оформление, 2003

ЖИЗНЬ
ПРЕБЛАГОСЛОВЕННОЙ
ВЛАДЫЧИЦЫ
НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ
ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ

Преобразование и пророчество о Пресвятой Деве Марии

Преславная глаголашася о Тебе.

Преблагословенная в женах Матерь Господа Бога нашего была избрана в предвечном совете Всесвятыя Троицы еще прежде бытия мира (Еф. 1, 4). От начала дней века сего Она во светлом раю указана, как заря спасения нашего; ибо на Нее Господь указал, когда изрек осуждение змию: «Вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем Тоя: Той твою сотрет главу» (Быт. 3, 15). А что действительно сие откровение указывало на Матерь Господа нашего, тому служит доказательством и самый поступок Адама, который вслед за сим дал новое имя жене своей. И нарече Адам, как сказано, имя жене своей: «жизнь, яко та мати всех живущих» (Быт. 3, 20). Прекрасно о сем Любоумрствует блаженной памяти Филарет, митрополит Московский, который говорит: «Жизнь, мати живущих,— имена сии были бы приличны праматери в состоянии непорочности, поелику тогда она точно рождала бы всех живущих:

но тогда не дано ей сих имен, а наречена она просто женою. К тому же после грехопадения, когда она будет рождать умирающих, будучи притом сама причиною (сего), — нарече Адам имя жене своей жизнь. Разве в поругание? — Нет, конечно, не в поругание, а вероятнее в утешение себе и ей, смотря на нее сквозь Божие определение о семени жены, сокрушающем главу змия». — «Отцом, — думал он, — буду и я; но не буду отцом истинной жизни; Ее матерью предоставлено быть жене без мужа: и так да наречется ей имя: жизнь, яко та мати всех живущих ни сама по себе, но потому, что некогда от Евы будет Дева, и от Девы родится Тот, Который есть Истина и Живот и Который имеет силу всех умирающих перерождать в присноживущих». — Итак, значит, Ева (жизнь), по своему имени, служила прообразом той жены, от которой следовало родиться Начальнику жизни нашей, Победителю зла и смерти.

Впрочем, не одна Ева служила прообразом Матери Божией, но был подобен Ей своим спасительным действием и ковчег Ноев, потому что через него спасся род человеческий от потопления; также была Она предизображена лестницей, виденной во сне Иаковом, так как через Нее сошел Господь на землю и явился человеком; Ее изображала и купина неопалимая, — по той причине, что она вмещала в себя Самого Господа, Который творит слуги Свои пламень огненный, — и Матерь Господа, будучи осенена Святым Духом, горела всегда огнем Божественной любви

и не сгорела. Прообразом Ее служил и кивот Господень, и жезл Ааронов, чудесно произрастивший цвет, и гора, виденная во сне царем вавилонским, от которой отвалился камень без рук человеческих, раздробил идола и превратился в гору. Ибо Даниил пророк, изъясняя царю сей сон его, предвещал пришествие Христово, которое последовало от Девы (высокой духом и верой), без участия мужа, — действием Святого Духа.

О Ней предвозвестили и пророки, по вдохновению Духа Божия: так, пророк Исаия более нежели за 700 лет до Ее появления в мире возвестил унывающему царю иудейскому: «Се, Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречеша имя Ему Эммануил (с нами Бог)» (Ис. 7, 14). Предвещая заранее о Ее нерастленном действе, Иезекииль пророк говорил: «Обрати мя (Господь) на путь врат святых, зрящих на восток: и сия бяху затворенна. И рече Господь ко мне: сия врата заключенна будут и не отверзутся, и никтоже пройдет ими: яко Господь Бог Израилев внидет ими, и будут заключенна» (Иез. 44, 1–2). И Аввакум сказал: «Бог от юга приидет, и Святой из гор приосененныя чаши» (Ав. 3, 3). Согласно с сим и Церковь святая поет Богородице: «Гору Тя благодатию Божиею приосененную, прозорливыма Аввакум усмотрев очима, из Тебе изыти Израилеву провозглашаше Святому, во спасение наше и обновление».

Рождество Приснодевы

Чудны судьбы Господни! Из всех земных племен избирается один народ, который получает от Него закон и воспитывается в вере Бога Спасителя своего. В сем народе определяется род Давидов, возводится на престол, венчается милостями и щедротами и затем скрывается в неизвестности от очей мира, где и происходит от него цвет чистоты, произрастивший плод жизни вечной. Желая некогда создать Себе скинию, Бог Сам избрал художников, освятил их Духом Своим и наделил мудростью и разумом. Особенно избрания и освящения удостоены и те, которые должны были произвести на свет живой храм живого Бога. Так как свойства родителей передаются детям: «аще корень свят, то и ветви» (Рим. 1, 16), — то чистей-

шая из земнородных должна произойти от родителей самых богоугодных, исполненных веры, чистоты и святости. Таковы и были Иоаким и Анна, из рода Давидова и Ааронова, но, подобно праотцам своим Аврааму и Сарре, дожили они до старости и не было у них детей.

«Вот наследие от Господа: дети,— сказал пророк,— награда от Него — плод чрева» (Пс. 126, 3). Потому и блаженным почитался тот в народе Божиим, кто имел детей; бездетный же окаявал себя и презирался всеми. И угодно Всевышнему было смирить Своих отцов бесплодием их чрева до старости,— Своим видимым неблаговолением к ним. Хотя и много молений приносили они Богу, много жертвовали в храм, помогали бедным, но чего весьма желали, того не достигали; однако в вере на Божие всемогущество и благость нисколько не ослабевали.

Случилось, приносил Иоаким жертву Богу, и так как был уже стар и в списках не оказалось у него детей, то и был отвержен вместе с жертвоприношением. Еще более опечаленный сим, смиренный старец ушел в горы, где паслось его стадо, и там в посте и молитве оставался сорок дней. «Доколе, Господи, забудеши мя до конца? — так, может быть, отголоски слезной его молитвы разносились в пустынном безмолвии.— Доколе положу советы в душе моей, болезни в сердце моем день и ночь? Доколе вознесется враг мой на мя? Призри, услыши мя, Господи Боже мой!» Конечно, многих скорбей и слез стоило

и жене его это общее их несчастье; и она, всегда питающая себя надеждой, подобно прочим женам, что от нее, быть может, потомства произойдет Тот, Кто упадет языки и в содержании Своем будет иметь концы земли (Пс. 2, 8, 9), — теперь же оставленная мужем и неизвестно: надолго ли? Быть может, и не навсегда ли? — предавалась одна великой грусти. И сравнивая себя с птицами, скотами и зверями, она не находила себя равной им по причине своего долговременного неплодства.

Подвиг веры и терпения не остается без наград. Когда истощаются в борении силы подвижника, посылается ему помощь от Бога. И ангел явился плачущей и рыдающей Анне, потом унывающему в пустыне Иоакиму и возвестил им одно и то же, что от них родится Дщерь, и возвеличится Она в роде человеческом. И вот 9 декабря последовало зачатие, а 8 сентября — рождение Девы, Которую называли, соответственно будущему Ее величию, Мариам, что значит высокая, господствующая.

Введение во храм

Одного только просил у Господа Давид пророк, того только искал, чтобы пребывать ему в доме Господнем во все дни жизни своей и созерцать красоту Господню (Пс. 26, 4), и потому, когда возвещали ему: «в дом Господень пойдем», он чувствовал необыкновенную радость. Не служило ли сие прообразом или примером того, что принадлежало одной из его потомков, великой Дщери, Которой он предвещал: «Слыши, дщи, и виждь, — забуди люди твоя и дом отца твоего, и возжелает Царь доброты твоя: зане Той есть Господь твой, и поклонишися Ему! Ибо о Ней Он говорил: приведутся Царю девы в след Ея, искреннии Ея, приведутся в веселии и радовании, введутся во храм Царев» (Пс. 44, 11–16).

Когда исполнилось Деве Марии три года от рождения, родители Ее устроили торжественное введение Ее во храм Господень; в сопровождении священнослужителей Она была встречена первосвященником Захарией и введена для поклонения Богу во святая святых, куда архиерей один мог входить только однажды в год. Как всякое пророчество не было произносимо по воле человеческой (Пет. 1,21), так и этот необыкновенный поступок пророка Захарии мог быть совершен не иначе, как по особенному определению Божию; потому и ангелы удивились, как воспевают Церковь, когда увидели, яко Дева входит во святая святых.

При храме иерусалимском жили в то время посвященные на служение Богу в трех высоких зданиях: в одном — назореи, в другом — девы, в третьем — вдовицы. Главным занятием для всех было изучение закона Господня и молитва; также и рукоделие служило, особенно для молодых, отрадой и пособием для жизни. Все живущие при храме были более прочих скромны и воздержаны как в пище, так и в слове; но между всеми не было такой, как Отроковица Мария, по Ее незлобивому и смиренному нраву. «Ты же предупела и превознеслася еси над всеми» (Прит. 31,3), — Писание относилось к ней с такой похвалой. О ней также и праотец Ее, пророк Давид, возвещал: «Вся слава Дщери царицы внутрь Ея: рясны златыми одеяна и преиспещрена» (Пс. 44, 14). Сии душевные украшения: любовь, радость, мир, кротость, воздер-

жание были неизменным достоянием незлобивой, как ангел, Девы Марии. И Соломон, взирая на Нее, восклицал: «Кто Сия проницающая аки утро, добра яко луна, избрана яко солнце? Едина есть Голубица моя, совершенная моя» (Пс. 6, 9, 8).

Находя величайшим для себя удовольствием быть в богомыслии и молитве, Дева часто уходила во святилище, где было ей назначено место для молитвы, и где, как предание гласит, принимала Она пищу из рук ангела. Не восхищаясь сим, Она ограждала Себя всегда молчанием, зная, что у Господа достаточно было сил питать народ Свой в пустыне сорок лет небесной пищей, а во-вторых, и то, что всякое дарование Божие сохраняется в неистлении кроткого только и молчаливого духа. Одно только видели в Ней и удивлялись все девы, — о чем такая юная непрестанно помышляет и нередко за чтением книг проливает слезы, следы которых, как заметно было, оставались на смиренном лице ее?

«Спасения ждый Господня» (Быт. 49, 18), пророк Давид, как и всякий праведник, от начала века сего ожидающий пришествия Господня, взывал: «доколе, Господи? яви лице Твое и спасемся»; и потом в утешение души своей вещал: «Поспешит нам Бог спасений наших, Бог наш Бог спасти». Так если и за тысячи лет жившие патриархи и пророки с нетерпением ожидали пришествия Бога Спасителя, тем более должна ожидать Дева Мария, когда время ожидания уже приблизилось к концу. Всегда преданная молитве, от ко-

торой дух делается прозорливым, и чтению пророческих писаний, могущих умудрить даже и младенцев, Мария хорошо понимала, что дни пришествия Христова уже наступили. Слова же Исаии: «Се, Дева зачнет и родит...» — как нельзя лучше указывали и на то, от Кого Он должен родиться. Все сие приводило ее в глубокую задумчивость и невольно исторгало из глаз Ее слезы умиления. «Ведь должна же быть такая Дева, — так думала Она, — от Которой родится Спаситель мира; может быть, уже и есть Она. О, какое счастье быть Матерью Господа! Удостой меня, мой Царь и Бог, быть рабой этой блаженной Девы».

Как лилия, благоухающая в долине, в своей сокровенности Мария не замечала красоты души Своей, на которую обращены бывают очи Господни; по причине глубокого смирения не могла Она и подумать, что Ей суждено родить Богочеловека. Но вот, однажды в полночь, когда Дева молилась по обычаю во святая святых и пламенные желания Свои изъясляла Богу, внезапно воссиял на Нее великий свет, и слышен был голос: «Ты родишь Сына Моего». Нет слов выразить всю радость Пречистой! Посреди света дивного, преклонив колена, стояла Дева, объятая пламенем божественной любви, и с того часа еще более утвердилось в Ней желание пребывать в девстве навсегда. Сие откровение было Ей, когда исполнилось 12 лет от роду, но Она не говорила о сем никому до самого вознесения Господня на небо.

Обручение

Читая на первой странице закона Божия: «раститеся и множитесь» (Быт. 1, 18), и привлекаясь благословением Божиим к чадородию, древние люди не имели никакого понятия о достоинстве девства, и евреи даже плакали, когда умирала дева совершеннолетняя по той более причине, что она не сочеталась брачному союзу (Суд. 1, 40). Потому каково же было удивление у всех, когда пришедшая в совершенный возраст четырнадцатилетняя Мария на предложение священников выходить замуж объявила, что Она, обещанная от рождения на служение Богу, и Сама дала обет быть девой до смерти! Не имея ни примера, ни

закона, указывающего на хранение девства, священники не знали, как устроить жизнь такой Девы. Писанное же в книге Моисеевой: «человек, аще обещает обет Господу, да сотворит» (Чис. 30, 3), — не давало им права делать ей принуждения. Все сие заставило их просить откровения Свыше.

Теперь посмотрим, как же премудрость Божия устроила, чтобы и девство Марии соблюсти, и, приготовив Ее к чудному чревоношению и рождению, избавить Ее от всякого подозрения и напрасного осуждения? Ибо чего бы иудеи не сказали, услышав о зачатии безмужней? Так как Писание не представляло им примера подобного, то они, увидев рождшую без мужа, наверно, поступили бы с Ней по Моисееву закону и побили бы Ее камнями. Для того вот и произвел Господь в народе Своем обычай, равный закону, — всякую деву, способную к чревоношению, выдавать непременно замуж. И Марию, согласно с Божиим откровением, обручили старцу Иосифу, по преданию Иоакимову брату, изжившему век свой с женой, чтобы он был только хранителем Ее девственной чистоты. Вначале опечаленный сим Деве было, по сказанию некоторых историков, особенное откровение от Бога, чтобы не усомнилась идти в дом праведного мужа, каков был Иосиф.

В Галилее, стране, населенной в то время язычниками, в 120 верстах от Иерусалима, при конце небольшой долины, окруженной горами, находятся и ныне белые домики с плоскими крышами: это вот

и есть городок Назарет, где жил плотник Иосиф, у которого должна была жить Дева Мария, честнейшая херувимов. Хижина его была в конце города, у самой скалы, к которой приткнулся Назарет, расположенный на склоне горы. Склонная к богомыслию и безмолвию, Мария при тихой назаретской жизни была вполне довольна Своей, по-видимому, и незавидной участью. Любила Она и здесь предаваться размышлениям о пришествии Бога-Спасителя и часто целые ночи проводила в созерцании неведомых судеб Божиих.

Благовещение

Среди прекрасной весны, какая бывает в теплых странах, где все плодовые деревья покрываются цветами, от коих весь воздух наполняется благоуханием; когда в тихое молчание погружена была вселенная, и ночь в своем течении преполовлялась, — совершилось одно из святейших для нас событий в городе Назарете. Там, в доме Иосифа — хотя и было за полночь — светился все еще огонек; его Невеста, обрученная, все пока не спала; ночное упокоение далеко было от Ее божественных желаний. Она одна была в особой горнице; перед Ней лежала развернутая книга; белое, как у ангела, лицо Ее было полуза-

крыто головным покровом; по Ее положению и взору, обращенному к небу, можно судить, что мысль о возлюбленном Ею Господе не отходила от Нее, что и действительно было так.

«Яко узрю небеса, дела перст Твоих,— углубленный в созерцание великих дел Божиих и Его неисповедимой благодати к людям, Давид пророк восклицал иногда: что есть человек, яко помниши его; или сын человек, яко посещаеши его?» (Пс. 8, 4–5). Невероятным казаться бы не должно, если бы мы предположили, что и Дева Мария, Дщерь Давидова, в сие время предавалась размышлениям, возводя взор к небу,— этому престолу Великого Бога,— о необъятном Божием могуществе и безмерном снисхождении к роду человеческому. Тем более это могло быть, что Ей уже было возвещено, что Она родит Сына Вышнего; и слова пророка: «се Дева зачнет и родит», — влагали в сердце Ее всегда божественное желание и проникали в душу несомненным предчувствием и неизъяснимой радостью. Однако же, не допытываясь понять тайну сию, Она могла говорить только: «Кто разуме ум Господень? Яко не испытани судьбы Его».

Чтобы открыть тайну (рождения от Девы Бога и человека) и положить начало нашего спасения, был в сие время от Бога послан в город Назарет один из высших небесных ангелов, предстоящих престолу Вышнего. С быстротой молнии слетел Гавриил с небесных высот к обрученной Иосифу Деве Марии, и в одно мгновение предстал перед Ней архистратиг бесплотных сил.

Небесная радость сияла на светлом лице его; держа в руках райскую ветвь, с видом глубокого почтения он приветствовал Деву: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах».

Никто из земнородных никогда не принимал от небес такого хвалебного привета; но все, что произнес горный посетитель, не пустое было вещание, ибо небесной истине не свойственна лесть, равно как и суровость злобы поднебесной. Величие Благодатной не было преувеличено, ибо с Ней действительно был Господь (в уме и сердце Ее); и благословенной была Она преимущественно перед всеми людьми: паче всех смиренна и кротка. И вот сему доказательство: высокое приветствие небесного вестника производит в смиренной, а потому и всегда спокойной душе Ее смущение помыслов. Много раз видел во святая святых сего небожителя, когда он приносил Ей пищу, Пречистая сделалась теперь тревожна от слов его и размышляла, — что бы это было за приветствие?

Смущение грешных обнаруживается жалобами, слезами и бранью или же злобным молчанием; но непорочная Мария предается благоразумному безмолвию и страху. Ибо сказано: служите Господу со страхом; и вот благоразумная раба при самом звании в служение Богу исполняется страхом. Но архангел Деве говорит: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречеши Ему имя: Иисус (Спаситель). Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст

Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца».

Чтобы понять смысл высоких слов сих, нужно привести на память пророчество Давида, сказанное им, как и надпись псалма гласит, о Возлюбленном: «Царствуй истины ради, и кротости, и правды (ибо сими добродетелями и Давид отличался от прочих). Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих. (И) престол Твой, Боже, в век века: жезл правости, жезл царствия Твоего» (Пс. 44, 5, 8, 7). Такая великая тайна возвещается теперь от ангела Деве Марии и в виду Ей открывается бездна чудес; но и посреди сего, так сказать, моря тайн и чудес, дух Ее не колеблется сомнением, не смущается неверием. Одно только, — заметно всем, — приводит Ее в недоумение, да и то потому более, что Она возлюбила навеки неизменную чистоту девства; и сие одно Пречистая высказывает: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» — «Дух Святой найдет на Тебя, — возвещает Ей ангел, — и сила Всевышняго осенит Тебя: посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим».

Так как имело произойти великое событие, Бог Сам восхотел принять образ человека, родиться от Девы; то, чтобы необычайное сие явление (рождение от Пречистой) не поразило умы всех заранее, Бог предусмотрел верных к принятию сей тайны: как Он вна-

чале еще создал жену из ребра мужа, после от престарелых Авраама и Сарры произвел, согласно Своему обещанию, сына. Наконец, еще одно подобное событие устроилось Божиим смотрением: у Захария, одного из первых священников, и его жены Елисаветы до старости не было детей; и вот за полгода перед сим в утробе жены, дотоле бесплодной, явился плод; и это служило знамением рождения от Девы Пречистой Силы — Бога и человека. На сие-то вот, как бы некое чудо, чревоношение бесплодной в глубокой старости архангел указывает Деве: «Вот, — говорит, — и Елисавета, родственница Твоя (она была Ей двоюродная сестра по матери), называемая неплодной, и она зачала сына в старости своей, а ей уже шестой месяц. Ибо у Бога не остается бессильным никакое слово».

Внимая сим словам, обрадованная и преисполненная глубокой веры и преданности Богу, Пресвятая Дева сказала небесному вестнику: «Се раба Господня, да будет Мне по слову Твоему». И ангел отошел от Нее. Пречистая же преклонила колена, и светносный облак, в онъ же всех Владыка, яко дождь на руно, с небесе сниде, осенил Ее сиянием Божественной славы. В девическую утробу Ее вместились тогда Единый в существе с Отцом безначальный Сын Божий, и дух Ее услаждается неизреченным Божиим блаженством.

Сие благовещение и зачатие во плоти Сына Божия было вскоре по обручении и переселении Девы Марии в дом Иосифа.

Приветствие и величание

Когда Дух Святый сошел на Пресвятую Деву, и сила Всевышнего совершила в Ней новое чудо, — зачатие плотью Сына Божия (начало новой жизни для человека), — Она пошла к Елисавете, чтобы приветствовать ее и поделиться Своей радостью. Блаженны горы и долины, по которым как бы не шла, а летела на крыльях Божественной радости Дева Мария, и трехдневный путь Ее по Иерусалиму, и далее еще до города Иудина, был без утомления, хотя и шла Она с поспешностью, свойственной молодым людям при великой их сердечной радости. Приятно бывает свидание жен святых, но встреча Елисаветы с Матерью вечного Живота, это — верх земного блаженства, какое возможно для человека, наслаждающегося благом от источника чистых радостей. Приветствие должно называться чудом, — таким восторгом наполнилось сердце ее, что и младенец в ее утробе разыграл от радости! И она, исполненная Святым Духом, воскликнула громким голосом: «Благословенна Ты меж-

ду женами, благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, разыграл младенец радостно во чреве моем. И блаженна уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа».

И Пресвятая Дева, не на Свое достоинство взирая, но все усваяя благодати Господней, возвала тогда сими незабвенными словами: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боже Спасе моем: яко призре на смирение рабы Своея. Се бо отныне ублажат мя вси роди: яко сотвори мне величие Сильный, и свято имя Его». Созерцая в дали времен, как Сын Ее и Бог прославит имя Свое от моря и до моря, как сказано у пророка, и от рек до конец вселенная (Пс. 71, 8), Матерь Господа усматривает, что и Она будет возвеличена между всеми людьми. Как Сыну Ее, Царю и Богу, поклонятся «вси царие земстии и вси языцы поработают Ему» (Пс. 71, 11), так и Ее лицу помолятся «богатии людстии» (Пс. 44, 13). С любовью Заступницы рода христианского Она взирает, что Сын Ее и Господь изливает Свою милость на всех боящихся Его, Он Своей силой сотворит их державными по всей земле. Сие исполняет сердце Ее новым восторгом, и Пресвятая Дева доканчивает величание Господа сими словами: «И милость Его в роды родов боящимся Его. Сотвори державу мышцею Своею; расточи гордые мыслию сердца их; низложи сильные со престол, и вознесе смиренныя; алчущия исполни

благ, и богатящийся отпусти тщи. Восприят Израиля, отрока Своего, помянути милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его до века».

За сим оставалась Мария у Елисаветы около трех месяцев; но так как по рождении первенца Захариина должны собраться родственники его, то Дева, по любви к безмолвию, и возвратилась перед тем в дом Иосифа.

Недоумение св. Иосифа

«Много скорбей у праведного, и от всех их избавит Господь» (Пс. 33, 21). Не прошло пророческое сие слово мимо праведного Иосифа; зато и Господь превратил его скорбь в чудную радость. Четвертый месяц уже наступил, как во чреве Своем носившая Господа не являлась на глаза споручнику Своего девства старцу Иосифу. Признак непраздной утробы девической привел убеленного сединами в великое смущение и скорбь. «Как это, — так думал он, — Та, Которая обещалась Богу сохранить Свое целомудрие, Которую никто не мог принудить к бракосочетанию, — теперь, вот уже вижу, беременная? Как же это могло случиться?» Но тайна Божественному разуму человеку недоступна; и Дева не могла бы изъяснить, как Ей одной привелось иметь во чреве без мужа. Да и кто сему мог поверить? Посему Мария молчала, и Иосифу привелось войти в недоумение и сомнение о зачатии Пречистой.

Да и как иначе быть могло? Кто видел когда-либо или кто слышал, что дева рождает? Если Той, Кото-

рая была исполнена величайшей веры, привелось спросить: «Как будет сие?» — то можно ли и думать, что Иосиф уверится, когда Мария скажет: «Я зачала от Духа Святого; ношу во чреве и остаюсь безмужна». Потому, как надо полагать, и безмолвовала Дева, может быть, молясь ко Господу, чтобы Он Сам открыл Иосифу истину.

Горько было видеть праведнику, как думал он, — грехопадение Девы, и притом Той, Которая была ему поручена на хранение чистоты и девства. Обвиняя в сем себя более, он думал было принять Ее в дом свой, но боялся оскорбить Бога тем, что будет держать у себя законопреступницу. Обнаружить же преступление и предать суду свою обручницу он, будучи весьма добр, не хотел, а лучше решился было развестись с Ней тайно и отпустить Ее. При сем кто не усмотрит в Иосифе мужа дивного по своему добродушию и праведности? Вот не хотел он сделать противное Богу, также и человеку, хотя и почитал сего повинным, но старался покрыть худые поступки ближнего своим милосердием. Вот сколь он был добр и милостив! Потому и в Писании о нем сказано: «Праведен сый» (Мф. 1, 19).

Размышляя о случившемся до глубокой ночи, Иосиф заснул и видит во сне: ангел является ему и говорит: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся от Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». А все

сие произошло, да сбудется реченное Господом: «Се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил, что значит — с нами Бог». Получив такое откровение, старец весьма обрадовался и, пробудившись от сна, поступил так, как ангел повелел ему. Тогда и Пресвятая Дева передала ему тайну благовещения; и с тех пор он обращался с Ней, как с Матерью Господа своего, хотя и почитался от людей супругом Ее.

Знамение Господне

Все устрояя по премудрым судьбам Своим, Господь, однако, не попускал людям Своим оставаться во тьме неведения, но то возвещал Сам, то открывал через пророков, то посылал ангелов, чтобы люди могли уразуметь истину и получить спасение от Него. Для сего также было сказано: «Сам Господь дает нам знамение: се Дева во чреве приимет» (Пс. 7, 14). Теперь посмотрим, как это знамение было показано людям. Нам, конечно, оно дано знать через Писание, но тем, которые жили в то время, было показано таким образом: сначала произносится весть, что одна Дева, жившая при храме, дала обет Богу оставаться девой навсегда; потом слышали, что Она была обручена старцу для хранения Ее девства; а теперь увидели, что Она уже непраздна и притом прежде, нежели совершен был над ними законный обряд. Что же это могло означать? То, что все это творит глубина Божией мудрости, частью открывающая и частью скрывающая дела свои.

Так как надлежало Избавителю мира быть семенем жены, и родить Его должна была Дева чистая, то вот и является Она первая, Которая пожелала сохранить Свое девство навсегда; ибо до Нее не было на земле такой девы. Мир ветхозаветный ревновал о чадородии, а потому и о браке, домогаясь родить Того, Кто сорвет главу змия; да и, кроме того, деторождение было видимым благословением Божиим; потому и девство у древних было таково, что никто не хотел хранить его. И в самом деле, вот Ной был засвидетельствован от Бога как единственный в роде своем праведник, но и тот жил с женой. Авраам, Исаак и Иаков, жизнь которых была столь богоугодна, что не стыдился Бог Сам называть Себя по имени их, но и они были женаты. Даже Иосиф, потерпевший оковы и темницу за свое целомудрие, и тот впоследствии не чуждался брака. Самые великие пророки: Моисей, Самуил, Даниил имели жен. Да и что говорить о девстве там, где бесплодие чрева почиталось наказанием Божиим и вменялось за бесчестие? Девство самопроизвольное утвердилось на земле с тех пор, как возрос цвет девства, породивший нетленный Плод. Таким образом и явилось вот сие знамение, что от девы родится не простой человек, но Тот, о Котором пророк сказал: «Сей Бог наш, — на земле явися» (Вар. 3, 36, 38).

Но чтобы не знающие тайну сего зачатия не могли погубить Зачавшую, Она обручена мужу прежде сего зачатия; а чтобы всякому здравомыслящему было

явно сие знамение пришествия Господня, зачатие последовало вслед за обручением,— прежде нежели они соединены обрядом. Но чтобы не могли клеветать на праведного Иосифа, Господь попустил самому ему войти в сомнение и сим показал, что он был неповинен в сем деле. Однако трудно было поверить, что Дева зачала без мужа; посему открыть сию тайну и указать сие знамение послан был ангел. Для прочих же, кои не могли видеть ангела, не менее верный свидетель тайны был Иосиф, как праведник, который не мог обманывать людей, а тем более клеветать на Святого Духа.

Рождество Христово

Наступило уже время родить Деве, а Она все еще жила в Назарете; но от имени Иеговы, за 400 лет перед сим, Михей пророк предсказал: «Вифлеем Еффрафа! Хотя и мал ты, чтобы быть в числе тысяч Иудиных (городов иудейских), но из тебя произойдет Мне Тот, Который будет Владыкою в Израиле, Котораго происхождение искони, от дней вечных» (Мих. 5, 2). Как же, посмотрим, исполняется сие слово Господне? — «И воздвигну все народы, и приидет желанный всеми народами», — говорит Иегова воинств (Аг. 2, 8) через пророка Своего Аггея. И действительно, в те дни, когда надлежало родиться Христу, вышло от кесаря повеление сделать народную перепись по

всей земле, и пошли все записываться, каждый в свой город. Иосиф же, потомок Давида, которого родина в Вифлееме отправился в сей город вместе с Марией, Которая имела девятый уже месяц Божественный Плод во чреве Своем.

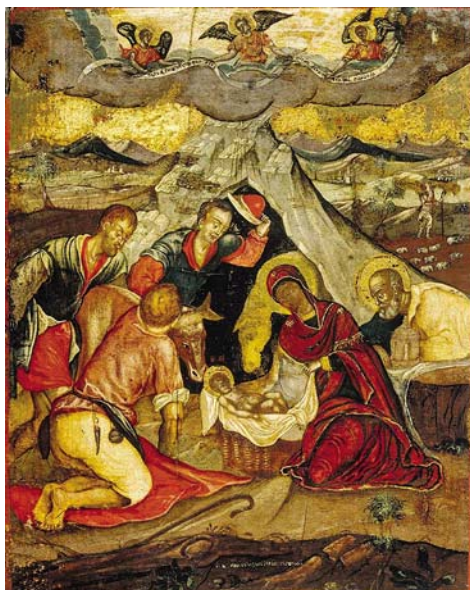
В 10 верстах к югу от Иерусалима, на оконечности одной горы стоит и доныне городок Вифлеем, в который народу тогда по случаю переписи собралось много, так что старцу-плотнику, каков был Иосиф, не оказалось уже места ни в общей гостинице (постоялом дворе), ни в доме. Время было зимой, около 25 декабря; хотя и редко когда выпадает там снег, как в стране теплой, однако бывают в это время дожди с пронзительным ветром. Чтобы укрыться от темной ночи, привелось Иосифу удалиться за город; там, саженьях в двухстах, была иссечена в горе пещера, в которую по временам загоняли пастухи стада жителей Вифлеема. Сюда и приютились те, которых не достоин был мир; такова уже, верно, участь на земле по большей части всех, кто близок к Богу: «Издrevле они были лишены и, скорбяще, озлоблены в сей юдоли слез, — как замечает апостол, — в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах» (матери Евр. 11, 38). «Чужд был братии моей и странен сыновом моея», — взывал Давид, некогда здесь живший; и потомок его, праведный Иосиф, не имел в своем городе ни поместья, ни дома, ни даже аршина наследственной земли. Уже пристанище бессловесных приютило в себе тех, которые не нашли себе места в человеческой обители.

Темно и холодно было в пещере; но для боголюбивых странников казалось приятнее здесь, чем посреди неумолкаемой суеты сынов человеческих. Здесь они беспрепятственно могли преклонить колени перед Тем, Кто смотрит с любовью на кроткого и молчаливого и творит блаженную судьбу обидимым. Но, рассматривая труды и подвиги все терпящих друзей Божиих, обратим внимание и на Того, Кто в сие время родился от Девы Марии. «У нас родилось Дитя, — говорил один тайнозритель за 700 с лишком лет до сего времени, — дан нам Сын, на раменах Которого держава, и наречено имя Ему: чудный, многосоветный, Бог крепкий, вечный Отец, князь мира» (Ис. 9, 6). Итак, в сию спасительную ночь родился для нас Тот, о Коем писания свидетельствуют: «Прежде даже горам не быти и создатися земли и вселенней, и от века и до века Ты еси» (Ис. 89, 3). Родился Тот, о Котором Исаия восклицал: «Род же Его кто исповесть?» Который был в начале у Бога, и через Которого все произошло (Ин. 1, 2–3). Родился Тот, о Котором Сам Бог устами Давида говорил: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (Пс. 4, 7), — и на Которого указывая, пророки в радости взывали: «Сей Бог наш на земли явился, — Бог наш, Бог спасти. И уповая буду на Него, и спасуся Им».

Безболезненно родила Пречистая Своего Сына, ибо не была причастна плотской сладости при зачатии Его от Духа Святого, и потом Сама спеленала Его, как в Писании сказано, и положила Его в ясли

(Лк. 2, 7). Смотря на сие снисхождение Божие к роду человеческому, в чести бывшему и приложившемуся скоту несмысленному, святая Церковь вопиет: «Таинство странное вижу и преславное! Небо — вертеп, престол херувимский — Деву, ясли — вместилище, в них же возлеже невместимый Христос Бог». — При виде Младенца, Сына Своего и Бога, радостью великой исполнилось сердце Богоматери. Да и как Ей было не радоваться о новорожденном Сыне Своем, когда и всякая жена, лишь только родит младенца, то от радости забывает о болезни рождения! Как не радоваться Деве, Которая зачала от Духа Святого и родила Того, Которого многие из земнородных и не видя, но веруя в Него, радуются радостью неизреченною (1 Пет. 1, 8)! От великой радости о Боге и Спасителе Своем, быть может, и положила Дева Сына Своего в ясли, чтобы преклонить перед Ним колени и воздать Ему почтение, как Царю Своему и Богу. Ибо Она знала из Писания и верила словам пророков, что не ходатай, ниже ангел, но Сам Господь приидет и спасет их (Ис. 63, 9).

Первые почитатели Богочеловека

Кроме Богоматери и старца Иосифа были еще и другие люди, которые могли познать Господа при самом рождении Его. Это были пастухи, которые стерегли стадо свое в ту ночь в поле, верстах в двух от Вифлеема, и через то дали место Рождеству Христову; за сию, быть может, невольную (не с намерением сделанную) их добродетель и показал им Господь славу Свою следующим образом: среди ночи вдруг осветило их как бы молнией,— в небесной славе явился им архангел, и они весьма уstraшились; но он им сказал: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть

Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях».

Внезапно при этом, вслед за ангелом, явилось многочисленное воинство небесное, и вся поднебесная высота над вертепом Вифлеемским огласилась неизреченно приятным пением. Подобно тысячеструнным инструментам сонмы ангелов пели одну хвалебную песнь: «Слава в вышних Богу и на земли мир, и в человеках благоволение».

Когда же ангелы вознеслись на небо, пастыри сказали друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь». И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем. А Мария, Матерь Его, все слова сии сохранила в сердце Своем. При этом как не вспомнить слов апостола Иакова: «Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою?» Вот сии пастухи, конечно, самые беднейшие люди в мире, удостоились сначала чудного видения небесных сил и слышали удивительные глаголы — радость всемирную: родился Спаситель мира, Христос Господь. И что же опять увидели вслед за тем? Пещеру — пристанище скотов, и в ней бедных Марию и старца Иосифа; потом увидели ясли, которые годны для животных, и в них Младенца в пеленах. Только-то! — могли бы они сказать при сем; но они не ослабевают в вере, они рассказывают о том, что было возвещено им о Младенце Сем. И удивительно! В таком

же, кажется, незавидном положении усматривал духом Младенца Сего пророк Аввакум и восклицал от страха: «Господи! Услышах слух Твой и убояхся: Господи! Разумех дела Твоя и ужасохся: посреди двою животну познан будеши» (Ав. 3, 1). В пояснение сих слов предание гласит, что вместе с Иосифом и Марией были еще в пещере осел и вол, которые были необходимы для путешествующих и которых Иосиф, как добрый человек, не хотел оставить на дворе, но укрыл их в скотской пещере и привязал к яслям. Вот все сие увидели теперь и пастухи и, слыша младенческих вопль среди животных, не усомнились, не потеряли веры в Господа своего, но признавали Его за Христа и Спасителя своего.

И возвратились после сего пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели, как сказано было. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им сии простодушные люди, — все радовались, что родился Христос, и, встречаясь друг с другом, возвещали о сем.

«Внегда приблизится летом, познаешися; внегда приити времени, явишися» (Ав. 3, 2), — говорил Аввакум пророк перед Господом, предвозвещая о Его явлении людям Своим. И другой (Исаия), подобно сему, говорил: «Явится слава Господня и узрит всяка плоть спасение Божие» (Ис. 40, 5). — Хотя явился Господь в смиренном образе Младенца, однако показал Себя избранным людям, что Он есть Царь и Господь; даже из далеких стран привел к Себе на поклонение

ученых людей водительством одной чудной звезды. В те дни, когда родился Господь в Вифлееме, пришли с восточной страны в город Иерусалим знаменитые люди, — одни из тех, кои ничем более не занимались, как наблюдением светил небесных и выведением событий, непонятных простым людям. Эти мудрецы, или волхвы, за несколько времени перед сим увидели одну звезду, которая все стояла над иудейской страной; а в народе даже иноязычном (между язычниками) были издревле мудрые люди, как, например, Валаам, которые знали и вполне верили, что воссияет звезда от Иакова (Чис. 24, 17), — произойдет из народа израильского Царь премудрейший, Которого будут все народы ублажать, и славой Его наполнится вся земля (Пс. 71, 17–19). И вот сия необыкновенная звезда заставила мудрецов думать, что в Иудее родился уже Тот, Который должен владычествовать от моря и до пределов земли, и Которому некогда поклонятся все цари (Пс. 71, 8–11). Почему, пришедши в столицу Иудейского царства, они спрашивали: «Где родился Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему».

«Что это за Царь, Которому небесное светило служит и мудрые люди повинуются? Это — не кто иной, как Христос родился», — все заговорили в городе, и тотчас эта новая весть дошла и до царя, который в то время царствовал в Иудее. А это был злой иноплеменник, по имени Ирод, родом идумеянин; ибо от племени Иудина тогда уже прекратились цари,

как предвозвестил о сем еще патриарх Иаков. Он сказал: «Не отнимется скипетр от Иуды и законоположник от чресл его, пока не придет Примиритель,— и Ему покорность народов» (Быт. 49). Каково же было услышать о новорожденном Царе нечестивому и кровожадному Ироду, который купил за деньги престол и проливал потоки крови? Потому злобный весьма устранился известием о рождении Праведного, Истинного Царя, и через то встревожился и весь Иерусалим в ожидании нового великого кровопролития, которое, действительно, и последовало вскоре от ехидного Ирода.

Злонамеренный царь тотчас потребовал к себе книжников и первосвященников и спрашивал у всех: «Где должно родиться Христу?» Те отвечали: «В Вифлееме Иудейском; ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля» (Мих. 5, 2). И царь, казалось, этим был весьма доволен. Тогда скрытно от всех призвал волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: «Подите, тщательно разведайте о Младенце, и когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему».

Мудрецы, выслушав лукавого царя, пошли в Вифлеем и вот опять увидели звезду, которая прежде казалась над восточными странами: она двигалась теперь перед ними к югу, как, наконец, пришла к го-

роду Вифлеему и, низко спустившись, остановилась над тем местом, где был Младенец. Видя все это столь чудное, они возрадовались радостью весьма великой и, вошедши в дом, увидели Младенца с Марией, Матерью Его, и, падши, поклонились Ему и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. После сего волхвы намерены были идти к Ироду, но, получив во сне откровение не возвращаться к нему, иным путем отошли в страну свою.

Новые боговидцы

Многократно и разнообразно Бог издревле открывал волю Свою о спасении людей Своих; и ныне, когда послал в мир Сына Своего — Избавителя от греха и смерти, также многими путями и божественными средствами приводил избранных Своих к вере в Него. В то время, когда родился Христос, жил в Иерусалиме Симеон, муж благочестный и праведный, ожидающий пришествия Христова — сего утешения израильского народа. Он был исполнен благодатью Святого Духа; и ему было обещано от Бога, что он не увидит смерти, пока не увидит Христа Господня. Когда же исполнилось Богомладенцу сорок дней от рождения, и Его принесла Мать в Иерусалимский храм, чтобы совершить над Ним законный обряд, который исполнялся у иудеев над всяким первородным мужеского пола, в то же время пришел туда и Симеон по внушению Святого Духа. Он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мое спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех людей, свет

к просвещению язычников, славу народа Твоего — Израиля».

Все это слышать от старца, которому никто не возвещал ни о рождении от Девы, ни о зачатии от Духа Святого Сего Младенца, было очень дивно, и потому Иосиф с Матерью Его дивились сказанному о Нем. И благословил их Симеон за то, что они удостоились послужить Христу, и сказал Марии, Матери Его: «Се лежит сей на падение и на возстание многих в Израиле и в предмет пререканий (и Тебе Самой оружие пройдет душу) — да откроются помышления многих сердец». Такие слова давали разуметь Матери Божией, что не все даже израильские люди уверуют в Сына Ее; многие будут различного о Нем мнения; и сие разногласие доведет Его до того, что Тебе Самой, — как бы так говорил Симеон Марии, — будет столь некогда мучительно, что как бы в сердце Твое вонзится орудие смерти.

В то же время случилось тут быть старице, лет восьмидесяти четырех, которая, проживши с мужем семь лет от девства, посвятила всю остальную жизнь на служение Богу; она около шестидесяти лет, не отходя от храма, угождала Богу день и ночь постом и молитвой; и от сего дух ее сделался прозорливым, и кому она что говорила, то и сбывалось. Сия Анна пророчица, подошедши, также славил Господа и говорила о Нем всем в Иерусалиме, кто ожидал пришествия Христова и избавления Его.

Бегство в Египет

Вскоре начинают исполняться предсказания Симеоновы, ибо дивный в средствах спасения Бог наш всегда радости праведных соединяет со скорбями и попускает им быть в постоянном спокойствии и утешении, также не оставляет их в напасть; но обыкновенно жизнь святых составляет Он из скорбей и радостей. «Изыди, — сказал Он отцу верующих, — от земли твоея, и от рода твоего, и благословятся о тебе вся племена земная. И иде Авраам, якоже глагола ему Господь» (Быт. 12, 1–4). Ту же чашу злостраданий и лишений в этом мире приготовил Он и возлюбленному Сыну Своему, хотя Он и был еще в пеленах на руках Своей Матери.

Когда Ирод богопротивный, замышляющий христоубийство, не мог дожидаться возвращения восточных мудрецов, отшедших в Вифлеем на поклонение Христу, тогда, считая это унижением своей власти, предался неистовству и гневу и тотчас дал приказание избить в Вифлееме и окрестностях всех младенцев до двухлетнего возраста, судя по времени, какое узнал от волхвов. Но не напрасно было сказано пророком: «Зачем возстают цари против Господа и Христа Его?» (Пс. 2, 2). Живущий на небесах не допустит исполниться злым их замыслам, Господь поругается им. И повеленное от царя детоубийство было еще не начато, как во сне является Иосифу, телохранителю Христову, небесный вестник и говорит: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет; и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его».

Как ни тяжело покинуть внезапно свое семейство, дом, родину и бежать в чужую страну, и притом еще через дикую пустыню, однако старец не уклонился от обязанности такой; он, поспешно встав ото сна, в ту же ночь взял Младенца и Матерь Его и пошел в Египет. Он не подумал, как другой бы мог, будучи на его месте: «Что это? Раньше ангел говорил мне, что Рожденный от Марии спасет людей, а теперь Себя не может спасти; и я должен для спасения жизни Его бежать в чужую землю, и надолго ли? Бог весть!» Но этого праведник не сказал и не подумал даже; никогда же не забывая своего первого сновидения,

при котором ангел возвещал значение имени чудно Рожденного от Девы, называя Его Еммануилом, Иосиф, может, и теперь повторял слова, сказанные пророком Исаией: «С нами Бог», прилагая к ним его утешительные изречения: «Могущия покоряйтесь; аще бо паки возможете паки побеждени будете; и иже аще совет совещаєте, разорит Господь и слово еже аще возглаголете, не пребудет в вас, яко с нами Бог» (Пс. 8, 9, 10).

Некогда пешешествовал по земле Господь и два ангела с Ним, в виде трех странников, коих Авраам принял в дом, не зная, кто суть они. И теперь кто мог бы подумать, что Сам Господь странствует на земле в сопровождении двух равноангельных человек? Но, зная сие, можно подумать, почему же это так случается; кто ближе всех к Богу, тот и злостраждет на земле и скитается? Потому, так должно судить, что мир сей во зле лежит, и злоба, часто случается, превозмогает добро. Во-вторых, и для того еще Господь попускает, чтобы добрые люди немного внимания обращали на земное благополучие, но верой усматривали бы благая Господня на земле живых. Потому и все, как вещает Писание, «хотящии благочестиво жить о Христе Иисусе, бывают гонимы в мире сем». Вот и Матерь Господня после радости благовещения немного на земле видела радостных дней; но Она, несомненно, верила, что в дому Отца Небесного уготован Ей лучший покой. Напротив же, земные о земном и пекутся, как вот и Ирод не помышляет о том, чтобы достигнуть

того, что не отнимается вовеки, а печется лишь о владычестве своем на земле сей. Он думал, что и Христу должно царствовать на земле, так как Господь, по слову пророка, «на небеси уготова престол Свой» (Пс. 102, 19). Ему не нужны царства мира сего и вся слава их; ибо Он пришел спасти людей своих от грехов и вечных мук, а не от временных бед, потому и Сам терпит на земле изгнание и всякое злополучие. Вот еще глубокая тьма покрывала землю, и уstraшенные Иродом, оставив свой дом и родную страну, пробирались уже за пределы своего отечества с одной надеждой на Бога, спасающего их. Таким образом и очутились святые путешественники через несколько дней в тех самых пустынных местах, по которым некогда проходили чада Авраама из Египта в землю обетованную. И так как местом для отдыха им служила голая земля, а покровом их был один небесный свод, то и должны они были всякий день подвергаться солнечному зною, а ночью терпеть тяготу от холода.

Но что было — посмотрим — в Вифлееме и пределах его? Там царствовало насилие и смерть; происходило неслыханное детоубийство и страшная дерзость. Отряд жестокосердечных воинов, по приказанию свирепого царя, со всей строгостью исполнял бесчеловечное его желание. Представить можно, как вырываются были грудные младенцы из рук державших и разрубаемы на части; как многие матери не хотели расстаться с окровавленными трупами детей своих и как, горько рыдая, держали еще их, хотя

и обезглавленных. Также можно подумать, как иные из них в страшном негодовании бросали трупы убиенных в лицо воинов, и как сии лютые звери не щадили никого и проливали кровь как воду. Тогда повсеместно слышны были одни плачевные вопли: тысячи отцов и матерей со своими родственниками плакали и рыдали о внезапной кончине своих милых малюток, из коих иным было около двух лет. И отчаянный вопль повсюду раздавался в нагорной стране, как предсказано было пророком: «Глас в Раме (высоте) слышан бысть, плач и рыдание, и вопль мног. Рахиль (праматерь убиенных, которая была похоронена близ Вифлеема) плачущися чад своих, и не хотяше утешиться, яко не суть» (Иер. 31, 15).

Жизнь в Египте

Случается ли кому прожить свой век бескручинно на земле сей, в этой юдоли слез, тем более вне своего отечества? И грустно, и беспокойно на чужой жить стороне. Там, где нет ни родных, ни единоплеменных, все люди, кажется, точно не понимают нужды чужого человека, потому и случается, что бедные странники не имеют, где главу приклонить. Кто не бывал в чужих странах, сам не испытал той безотрадной скорби, которая постигает человека за пределами своего отечества, тот едва ли и поймет, что было с теми, кои, оставив род, племя и отеческую землю, удалились в Египет, в чужую землю, и поселились между людьми инородными. И по одному тому не легко было жить в Египте, стране язычников, что там люди не могли понимать слов Иосифа и Марии, а через то избавить их от всяких нужд. Но доживающий век старец мог уже знать, что жизнь человеческая везде не безгорестна, а тем более многие скорби бывают праведным, от которых, однако, везде избавляет Господь чудным Своим Промыслом.

Кто не подивится, если только испытать приводилось тому, как Божиими судьбами, когда подается ему чаша горестей, в то же время или тотчас затем ниспосылается душе его чудное утешение? И об этом так перед Господом говорил пророк: «При умножении скорбей моих, утешения Твои услаждают душу мою» (Пс. 93, 12). Это же самое происходило теперь и с пресельниками из Иудейского царства — Иосифом и Марией; посреди разнообразных нужд, лишений и неизбежных на чужбине озлоблений Господь чудно так оградил спокойствие их миром и самой безмятежной жизнью. Конечно, они, прежде всего, нуждались в пристанище, хотя бы на конце города или в селении, и за приют нужно же им было заплатить что-нибудь; также, где бы уж престарелому Иосифу содержать трудами рук своих себя и Матерь, питающую Божественного Младенца; и если бы не Господь помог им заблаговременно, кто бы о них теперь позаботился? Кто бы дал им что-нибудь без всякого вознаграждения? И вот, Сам Господь призрел на все их непредвиденные ими нужды, Сам подал им заранее чудную помощь Свою: еще с появлением необыкновенной звезды, знаменующей рождения Царя-Младенца, Господь Бог внушил мудрецам принести Ему в дар золото. Вот этот-то драгоценный для сынов человеческих металл и был теперь для странствующих далече от родных источником необходимых благ земных. Конечно, они могли понимать, что Сам Господь попекся о всех их; и потому Иосиф с Марией

жили теперь безбедно в стране чужой, так же, как бы и в своей, хваля и благословляя Бога во всякое время. Так и всегда Господь хранит верных Своих; Он укрывает их под кровом лица Своего от мятежей людских, спасает их от великой скорби и во время голода питает их. Ибо много у Него благ, которые Он приготовил уповающим на Него перед сынами человеческими. Потому и велика бывает у праведных радость о милующем их Господе, и всегда слышится хвала Ему в устах их.

«Радуйтесь, — и пророк взывал, — праведнии о Господе: правым подобает похвала». Для того, чтобы понять, какой радостью наполнилось сердце Марии, Матери Господа, о возлюбленном Сыне Ее, и слышанными сотворить все Ее богохваления, не нужно многих слов. Хотя однажды мы слышали Ее величание Господа, однако должны понимать, что Она и всегда не столько голосом, сколько душой прославляла Его и радовалась постоянно духом о Боге Спасителе Своем. И сколь Ее радость сия была выше всяких земных радостей, мы можем понимать из того только, что Она одним Своим приветствием Елисавете заставила возрадоваться даже младенца в утробе ее. Чтобы уразуметь радость о Боге и непрестанное ее сердечное богохваление, нужно только узнать, за Кого почитала Она Родившегося от Нее силой Вышнего. Для сего обратим внимание на то, за Кого почитала Его Елисавета, когда, исполненная Святым Духом, назвала носившую Его во чреве Матерью Господа. Если Ели-

савета исповедала Его Господом, то тем более Сама Мария могла понимать, Кого Она зачала бессеменно и родила безболезненно. К познанию величия Сына Ее Ей услужили и пророческие писания, которые Она могла хорошо понимать, и все, что Она слышала от ангела, Иосифа, пастухов, Симеона и Анны-пророчицы. И неудивительно, если Она, держа на руках Своих Сына Своего, подобно Давиду, отцу Своему, взывала Ему: «Се познах, яко Бог мой еси Ты» (Пс. 55, 11). Она лучше всех святых познавала, что Сын Ее есть вместе и Бог Спаситель. И Создавшего рукой Своей брэнного человека Она держала на руках Своих не как простого Сына, но как Царя и Бога. Она служила Ему, как истинному Сыну Божию, и, преклоня колени перед колыбелью Младенца, Она радовалась в душе Своей неизреченной радостью. Смотря на Него, почивающего перед взорами Ее, прикасаясь к Его младенческим ланитам устами Своими,— о, каких сладостных восторгов Она ни ощущала в сердце Своем! Любя Его всем сердцем, как Бога и Сына Своего, Она имела матернее к Нему дерзновение и говорила словами Давида: «яко милость Твоя пред очима моима есть» (Пс. 25, 3). И Церковь святая не напрасно признает, что Богоматерь приносит моления Сыну Своему как Богу, держа Его на руках Своих как Младенца (Пс. 33, 22).

Рассматривая блаженную жизнь любящих Господа и посреди злоключений мира сего, взглянем и на судьбу злочестивых, царствующих на земле, о коих

в пророчестве сказано: ненавидящие праведного прегрешат; смерть же грешников бывает люта. Обаяния предсказания во всей силе исполнились над первым гонителем Христовым, избившим из-за Него четырнадцать тысяч невинных детей Вифлеемских. Вскоре, как полагают, после избиения сих последовала и лютая смерть ехидного царя: злой во зле и изверг душу свою окаянную. Пораженный нестерпимо зловонными язвами и пожираемый бесчисленными червями, мучимый голодом ненасытным и жаждой неутолимой, этот тиран было хотел за пять дней до смерти покончить свою жизнь самоубийством, как бы в наказание за 70 лет, протекших в одних беззакониях, мерзостях и кровопролитиях. Уже при самом переходе в мрачную глубину, будучи в предсмертном бреду, злодей этот, по свойственному ему безумию, замыслил еще произвести казни и убийства ради одного того, чтобы смерть его не была без плача.

По смерти Ирода, великого по своим злодеяниям, ангел явился во сне Иосифу и сказал: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца». Все повеленное от Господа исполняя охотно, Иосиф пришел в свою землю и желал было остаться в Вифлееме, но убоился за жизнь Младенца, ибо не безопасно было находиться вблизи столицы, где царствовал подозрительный и жестокосердый, как и отец, Иродов сын. Потому святое семейство опять поселилось в Назарете.

Безвестная святая жизнь

В жизни Своей Матерь Господа, по великому Своему смирению, оставалась всегда в глубокой безвестности, ибо Она знала, что не внешние подвиги, которые кажутся перед людьми великими, но внутреннее соединение с Богом привлекает благословение Его. С юных Своих дней, с первых минут самопознания, все сердце Ее, Божественным огнем воспламенившееся, пылало неизреченной любовью к Господу; и Она во всю жизнь Свою осталась преданной как душой, так и телом Своим одному только Богу. Постоянно углубляясь умом в созерцание судеб Божиих, Она не хотела быть ни от кого замеченной в мире сем и через то могла вполне усвоить слова пророка. «Яко сохра-

них пути Господни; вся судьба Его пред мною» (Пс. 17, 22–23). Все внимание Ее было обращено на воспитание Божественного Своего Сына, Которому Она служила, как смиренная раба, и которого любила, как самая любвеобильная мать, потому и проводила Она всю жизнь в тихом трудолюбии и молитве. Чтобы иметь понятие об образе Ее жизни, посмотрим, как выставляет премудрый Соломон на вид домашний подвиг жены добродетельной. «Таковая, — говорит он, — делает блага во все житие: обретши волну и лен, сотвори благоупотребное руками своими; препоясавши крепко чресла своя, утвердит мышцы своя на дело, и вкуси, яко добро есть делати, и не угасает светильник ея всю ночь. Локти своя простирает на полезная, и руце свои отверзает убогому, длань же простре нищу; уста своя отверзе мудро, и чин заповеда языку своему». — Так описывает обычаи жены доброй. служащей ему; но о Той, преблагословенной в женах, Которой суждено благоугождать одному Господу, Писание говорит: «Ты же предупела и превознеслася еси над всеми; ложного угождения и суетныя доброты женския несть в Тебе. Жена бо разумная благословенна есть; страх же Господень сия да хвалит» (Прит. 31, 12–31).

При сем как не посудишь об осуждении Церкви лукавствующих, которое они наносят Матери Божией за ту жизнь, которую Она будто бы имела после рождения Христова до смерти Иосифа. В последнее время вышла из неправославной Церкви (английской) кни-

га знаменитого профессора о жизни Иисуса Христа, в которой говорит ученый ее богослов: «Обращаясь к разрешению вопроса относительно количества всего семейства Иосифова, жившего в Назарете, и читая в Евангелии от Луки, что Мария родила сына-первенца; в Евангелии Иоанна — что Иисус пришел в Капернаум, Сам и Матерь Его, и братья Его, и ученики Его; от Матфея — что когда Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним,— мы встречаемся с вопросом: кто были братья Иисусовы? Много трактатов писано было об этом предмете, много споров за происхождение, равно как за имена; но все эти споры основывались только на догадках или на различных противоположных друг другу преданиях». При сем нужно заметить, что православная Церковь, основываясь на древних преданиях, считает Иакова, брата Господня, сыном Иосифа от бывшей его жены, а апостола Иуду с Иосиею и Симеоном — за сыновей Клеопы и Марии, дочери Иосифа и двоюродной сестры Девы Марии. Но неправославная Церковь, не веря преданиям и судя по простому выражению евангелистов, согласно с мнениями народными, признает Матерь Божию не Приснодевою; и потому хвалящийся многим знанием доктор богословия продолжает клеветать на Пречистую Деву, говоря так: «Кроме этих неважных недоразумений, не касающихся, впрочем, личности Спасителя, невозможно найти ни одного темного облачка, которое заслоняло бы собой чисто небесную

юность Иисуса в маленьком галилейском городе» (Жизнь Иисуса Христа. Сочинение Фаррара; перевод с английского Матвеева. Москва, 1876, стр. 52–53).

Чтобы сильнее сгустить это облачко и совершенно затемнить им приснодевственный лик Матери Божией, ученые отпадших Церквей останавливают еще неблагомыслящий свой ум на поверхностном суждении сих слов: «прежде даже не снится има; — и не знаяше Ея, дондеже роди Сына своего первенца» (Мт. 1, 18–25). Конечно, целью этих слов было у евангелиста показать необычайность рождения от Девы Сына Божия без участия мужа. Так как событие это было бесподобное и требовало сильного доказательства, то евангелист и подтверждал как бы такими словами: хотя Иосиф к Деве не прикасался, но Она родила Сына, Который был первородный или, что то же, единородный. Ибо слова сии в Писании могли означать одно и то же, как, например, сказано об Единородном Сыне Божиим: «и положи первенца Своего высока, паче царей земных». Также и слова «прежде и дондеже» здесь вовсе не относятся к последующей жизни Девы Марии, ибо такое выражение употреблялось в Писании для означения беспредельного продолжения времени. Так, например, сказано было: «Возсияет во днех Его правда и множество мира, дондеже отыметя луна» (Пс. 71, 7); «возсияет и не потухнет, дондеже положит на земле суд» (Ис. 42, 4). Или еще сказано от лица Бога Отца: «Седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Тво-

их» (Пс. 109, 1). Из сего ясно видно, что слово «дондеже» не означает предела времени, а указывает на неизменяемость дел, на непрерывное продолжение мира и седения одесную Бога Отца. Так и Матфей, говоря о рождении Сына Божия от Девы, употребляет слово «дондеже» не по случаю изменения последующей Ее жизни, но для означения неизменного Ее состояния приснодевственного. Ибо и о ковчеге было сказано, что ворон не возвратился в него, «дондеже изсяче вода от земли» (Быт. 8, 7), хотя он и после не возвращался.

И, кроме того, не крайнего ли неразумия потребно, чтобы мыслить неподобное о Той Деве, Которая, услышавши от ангела благовестие о зачатии от Нее Сына, тотчас спросила: «Како будет сие, идеже мужа не знаю?» Вот хотя и была уже обручена Она мужу, однако, сказала: «мужа не знаю», — и этим самым ясно всем нам указала на то, что Она обручена не для брачного союза, что Она решительное имела намерение не знать мужа Своего во всю последующую жизнь; а иначе не для чего было бы и спрашивать: «как будет сие?» Если же так, то возможно ли, чтобы решившая хранить девство навсегда впоследствии не захотела того или была принуждена к тому, чтобы еще родить детей? Если и посреди людей находятся такие, кои неоскверненными от жен остаются до смерти, как и было показано в откровении Иоанну таких девственников 144 тысячи (Ап. 14, 4), то не безумно ли думать, что Дева Мария не могла или не хотела

сохранить Себя от супружеского ложа? Неудивительно одно, что и сами зломудрствующие называют сие темным облачком, которое действительно покрывает их самих, отуманивая неблагомыслящий их ум.

Но зачем Иаков и другие называются братьями Иисуса Христа? — говорят разномыслящие. — Спросить бы их: зачем и Сама Матерь Иисусова говорит Сыну: «Се отец Твой и Я искала Тебя» (Лк. 2, 48)? Что же, неужели по тому и нужно судить, что Иосиф не есть мнимый муж Марии, что он настоящий отец Иисуса Христа? Но зачем так сказано? Затем, по всей вероятности, что нужно было до времени многими завесами покрывать происхождение Иисуса Христа, как непостижимое по рождению от Бога Отца, так таинственное и по воплощению от Девы Матери. Для того и в Писании многое говорится сокровенным образом, премудрым и глубокомысленным словом; и чтобы мы не читали его, как простую сказку, Господь велит потому испытывать Писание, углублять свой ум в изречения божественные, ибо в них не все сказано просто, и нельзя их понимать без всякого рассуждения. Вернейшим доказательством, что Иаков и другие не были родные дети Марии Богородицы служит еще и то, что Господь со Креста Своего поручил Ее Своему возлюбленному ученику Иоанну. Если бы были у Нее другие дети, то такой поступок был бы и не нужен, и обиден для них, чего усвоивать кроткому и смиренному Иисусу никак не должно.

Двенадцатилетний отрок Иисус в храме Иерусалимском

Настало уже двенадцать лет Тому, Кого родила Пресвятая Дева, но бытие Которого искони, от дней вечных. До сего времени Он считался еще малолетним; но с этого года Он, по законам иудейским, получал наименование: взрослый или совершеннолетний. Известно, что где климат жаркий, там люди скорее приходят в возраст совершенный, чем в странах холодных, потому на тринадцатом году юноши у евреев

были, как у нас на восемнадцатом или девятнадцатом, и могли поступать в военную службу и жениться. По закону же Моисееву требовалась от таких ежегодная явка в Иерусалим на праздник Пасхи; вот вместе с молодым Иисусом и старцем Иосифом пошла в храм Господень и Мать Его. Какой радостью, можно себе представить, наполнялось сердце Марии при взгляде на Сына, Которого в первый раз вела в Иерусалимский храм на торжественный праздник! И вместе, какой новостью после Назаретского уединения представлялось все для Иисуса, уж почти возмужалого, когда Он пришел в дом Отца, с Которым не хотел уже, как покажет наступающий случай, и расстаться!

Толпы народа, как и всегда бывало после праздника, шли из Иерусалима одни за другими; но в кругу путешествующих с Иосифом и Марией не было Того, Кто для них дороже был всего на свете. Сердце Матери хотя и чувствовало скорбь, но надежда на благоразумие довольно взрослого Сына удерживала от преждевременных поисков, и старец, которому было уже за 90 лет, с Марией шли тихонько целый день. Настал вечер; мимошедшие толпы знакомых были все осмотрены, а Иисуса одного нигде между своими нет и нет. Что за чудо? Неужели же кто узнал в Иерусалиме, Кто Он такой? Господи Боже! Быть может, Его уже и захватили и представили к царю, приготовили на казнь!.. И какой еще мысли более мрачной не могла принять так нежно любящая Сына Своего Мария и так много опасностей потерпевшая за жизнь Его?

День целый, тяжелый день и болезненный для сердца Матери и отца, воспитателя сердобольного, прошел в обратном пути в Иерусалим — город, избивший пророков и всех посланных к нему от Бога. Проходил уже третий день напрасных поисков, и везде отыскиваемый и ни от кого не познаваемый сокрылся как бы совсем из вида страждущих по Нем благочестивых душ. Какая скорбь! Его уже где ни искали — нигде нет! Быть может, и на найти уже! Какая тоска, невыносимая для сердца! Но вот мелькнула еще мысль, нет ли Его в храме? И поспешно Мария с Иосифом прошли сюда, где книжники сидели в особом притворе, назначенном для поучения народа, и объясняли слушателям о важности и древности их закона, об его неизменном совершенстве, а с тем вместе и об общей для всех Израилевых чад великой и радостной надежде — скором пришествии Христа Господня. Сии законники утверждали в народе ту мысль, что когда явится Христос, то избавит их от владычества чужеземных царей (Лк. 1,74), воцарится Сам на престоле Давидовом и доставит людям Своим господство над всем миром, наделив их притом богатыми поместьями и всеми земными благами за исполнение закона Его. И более ничего, кажется, не внушали учителя народные ожидать от Христа, как только одного благоденствия на земле.

Не будем мы придумывать ничего лишнего; несообразно с истиной, но только предположить все же можем, и не без основания, что, сидя между такими

учеными людьми, молодой Иисус, по свойственной всем молодым людям любознательности, предложил им при сем, быть может, такой вопрос: «Как же Моисей сказал: «Пророка, якоже мене, возставит Господь Бог, Того послушайте» (Вт. 8, 15)? Известно, что через Моисея говорил Сам Бог; значит, и Тот, Кого воздвигнет Бог, будет говорить слова Божии. Итак, почему же Моисей велит послушать еще Того Пророка Законодавца, когда закон, данный через Моисея, есть совершен, как вы говорите, и будет неизменен вовеки? Если же сей закон вечен, то зачем Иеремия также сказал: «Се, дние грядут, глаголет Господь, и совершу на дом Израилев завет нов, не по завету, егоже сотвори отцем их... Яко сей завет, егоже завещаю дому Израилеву по днех оных, глаголет Господь: дал законы Моя в мысли их, и на сердцах их напишу их, и буду им (принявшим закон сей) Бог, и тии будут Мне в люди» (Иер. 31, 31–33)?» Услышав от Юноши такие глубокомысленные вопросы, законники обратили на Него взоры, приблизили к себе и, объясняя Ему по своему тайну сих слов пророческих, старались с тем вместе и показать себя перед людьми в высшем, чем у других, знании закона Моисеева. Но вся суемудрая их ученость, казалось, точно ничего не значила перед высочайшей премудростью отрока Иисуса, когда, сидя среди рассуждающих о благодетельном для иудеев царстве Мессии, Он предлагал вопрос за вопросом, на которые, конечно, приходилось Ему после Самому же отвечать. Справедливо ли так судить,

быть может, из таких вопросов состоял разговор Иисусов с законниками иудейскими, что милости Господи в царстве Его, которое будет на небеси, явлены будут одним израильским людям? Не явно ли, что Бог благ и благоволит в сем мире ко всем земнородным, потому что солнцем Своим сияет на добрых и злых, дождит на праведных и неправедных. Если являет Он милость Свою и ведущим Его и неведущим, то для чего же думать, что царство Христово будет благодетельно для одного народа, и учить противно тому, что говорит Исаия: «Всякая дебрь наполнится, и всяка гора и холм смирится, и будут вся стропотная вправо, и острая в пути гладки (кривизны исправятся, пути неправедных сделаются праведными, все гордые унижутся и смиренные получают благодать) и узрит всяка плоть спасение Божие» (Ис. 9, 4–5)? Так, быть может, рассуждал Иисус в храме Иерусалимском с книжниками и законниками иудейскими, и все, слышавшие Его беседу, дивились разуму и ответам Его. Да и как не удивляться, когда Он, как известно было, никогда в школах не учился, а высказывал такую во всех вопросах мудрость и глубокое знание всего Божественного Писания!

«Чадод! — вдруг послышался из народа нежный вопрос Матери с чувством упрека от великой сердечной скорби. — Что Ты сделал с нами? Вот отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя?» И на сей жалобный вопрос последовал ответ: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть

в том, что принадлежит Отцу Моему?» (т.е. быть в доме Отца Моего). Но они сего не поняли из сказанных Им слов,— замечает евангелист Лука.— И чудное недоразумение, как будто Мария с Иосифом и во все не знали: Кто Он и зачем пришел в мир? Потому слова Господни и были произнесены с удивлением и как бы с некоторым неудовольствием на то, что хотя им было известно о Нем, однако ищут Его и отвлекают отдела, предназначенного Ему от Отца Небесного.

Исполнение благого желания

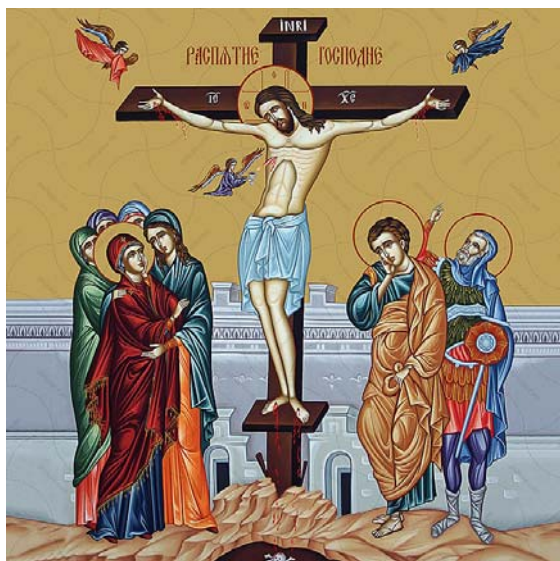
Тот, Кто учил всем воздавать должное, Божие Богу и человеческое человеку, то же делал и Сам: никогда не противился воле Своей Матери и мнимого отца, добродушного Своего воспитателя. «И был всегда Он, как сказано, в повиновении у них» (Лк. 2, 51). После скорби той, которую случилось потерпеть им, когда Он, будучи двенадцати лет, остался в храме, более не испытали они ни малейшего оскорбления от дел и слов Его, как бы не согласных с их волей. Сие показывает, что как Матерь Его, так и Иосиф были совершенны в исполнении Божией правды; иначе безгрешному Сыну Божию не привелось бы жить с ними в согласии, если бы дела, слова и помышления их не были во всем согласны с волей Божией. Сколь же был Господь покорен Своей Матери, сие можно видеть из следующего события.

Когда исполнилось Ему тридцать лет, и Он был приглашен, как простой смертный, на брачный пир к родственнику Иосифову с Матерью и братьями,

у бедных, но радушных хозяев не достало вина. Мария заметила это и тотчас сказала Сыну Своему: «Они не имеют вина». — «Что Мне и Тебе, Жено? — отвечал Ей Господь. — Не пришел еще час Мой» (название «женщина» у евреев, как у всех восточных народов, было в обычае произносить в знак почтения и уважения). Хотя и не пришел еще час Иисусу Христу явить людям Божественную силу Свою, однако Матерь Его, зная, что Сын Ее всегда оказывал Ей послушание, сказала слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте».

По обычаю иудейскому умывать часто руки и ноги, стояло у входа в дом шесть глиняных сосудов, ведра по два с половиной и по три. Господь велел их наполнить водой и тогда сказать, чтобы сим поили гостей, в сосудах же оказалось вино и еще самое лучшее. Здесь выказывается великая вера Матери Господа и Ее высокое познание, что власти Сына ее повиноваться должно всякое естество; также видно, что Господь исполняет всякое желание Своей Матери.

Скорбь Богоматери

При всей краткости евангельских повествований упоминается не однажды, как часто приводилось Матери Господа страшиться за жизнь Его. Не говоря уже о том, что Ирод искал погубить Его, лишь только начал Господь возвещать о Себе, указывая на пророчества, как случилось в Назарете, тотчас слушатели вознегодовали на Него, схватили и повели в конец горы, чтобы оттуда низринуть Его в пропасть. Сие покушение на жизнь Христову не могло, конечно, утаиться от Матери, о скорби Которой можно судить после случившейся Его потери, когда Ему было двенадцать лет. Не следствием ли сего и было то, что Она вскоре затем переселилась в Капернаум с Сыном

и детьми умершего Иосифа? И после, видя и слыша злые намерения и насмешки врагов Христовых, Мать Его не могла спокойно сидеть дома и потому часто сопровождала Его по городам и селениям.

Еще указывается следующий случай, сколь много опасностей терпела Она за жизнь Его; когда, проходя по городам и селениям, пришел Он в один дом, и собралось к Нему множество народа, так что ученикам Его не было возможности и хлеба есть, тогда, по научению врагов Его (книжников и фарисеев), произносится в народе, стоящем вне дома, известие, что Он вне себя и в Нем нечистый дух. Услышав о сем, Мать и братья пришли, как сказано, взять Его и послали к Нему, чтобы вызвать Его из дома того, где окружали Его враги Его. Когда же Ему сказали: «Вот Мать Твоя, и братья Твои, и сестры Твои вне дома спрашивают Тебя», — тогда Он, посмотрев на слушателей Своих, сказал: «Вот мати Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мк. 3, 35). Из сего видно, сколь беспокойна была жизнь Матери Господней во все время Его проповеди.

Но вот еще одно событие покажет нам, сколь верно пророческое слово: «Кто тя утешит, девице? яко возвеличися чаша сокрушения твоего» (Пл. Иер. 3, 13). Кто мог любить так Господа, а потому и сострадать Ему, как Всесвятая Мать Его, когда Она увидела Его на кресте пригвожденного? Хотя ни один евангелист не упоминает о Ее плаче и сердечном соболезновании,

но это потому, что Ее скорбь тогда выше была слез и стенаний. Сколь безмерно Она Его любила, столь безмерно и страдала; и притом еще все Она помнила и верила и знала, Кто Он и за кого страдал. «О, Сын Мой возлюбленный! О, Чадо Мое! — так, быть может, вещало в Ней сердце, хотя и безмолвствовали Ее уста. Тебя ли Я вижу висящим на дереве? Твои ли Я ноги объеблю теперь? Как стерпеть Мне, видя Тебя пригвожденным к кресту? Исполнился глагол на Мне Симеонов: орудие смертно пронзает душу Мою, когда на глубокие раны смотрю Я Твои. Увы Мне, лишенной Рожденного Мною! Увы Мне, пресладкое Чадо Мое! Но воскресни, как обещался, Боже Мой; ибо Ты можешь все, что хочешь, да утолятся рыдания о Тебе любящих Тя».

Великая радость

Господь, предвозвещая о Своих страданиях, говорил ученикам: «Вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вшей никто не отнимет у вас» (Ин. 16, 22). И сколь возрадовались ученики, когда Господь, по воскресении, явился им, видно из того, что от радости они не могли и увериться в воскресении Его (Лк. 24, 41). Это показывает, сколь великую радость имела Матерь Господа, как увидела Сына Своего восставшим из мертвых. Хотя Евангелие и умалчивает о сем, когда и как радостно Она встретила Его, но это потому, чтобы, приводя во свидетеля воскресения Христова Матерь Его, не подать повода к сомнению; быть же этого не может, чтобы Она не видела Его исшедшим из гроба. И радость великая объяла душу Марии Девы при виде воскресшего и вознесшегося на небо Сына Своего и Господа; и этой радости уже конца не было и не будет.

Видя радующуюся Матерь Господа, христианская душа, воззови к Ней: радости мое сердце исполни, Дево, яже радости приемшая исполнение!

Последующая жизнь Богоматери

Предсмертное завещание Господа: «Жено! Се сын Твой», — и: «се мати твоя», — усыновило Иоанна Деве Марии. «И с того часа, — как сказано, — ученик взял Ее в дом к себе» (Ин. 19, 27), который, как полагают, был на Сионе, где на апостолов сошел Дух Святый. В предании ничего особенного не упоминается о жизни Ее в доме Богослова, и это потому, что жизнь Ее была сокровенна в Боге. Преданная в любви Божией, Она любила посещать те места, которые были ознаменованы страданием Господа, Его последним на земле пребыванием и особенно гору Елеонскую, откуда вознесся Он на небо.

Служа утешением гонимой на земле Церкви Христовой, Богоматерь не однажды путешествовала то в Ефес, где проповедовал о Христе Иоанн Богослов, и где провела у него многие годы, то на остров Кипр, к Лазарю четверодневному, где он был первым проповедником и епископом. Во время сего мореплавания сильной бурей увлекло корабль, на котором была Пресвятая Дева Мария, к горе Афонской, где находи-

лось тогда идольское капище, и много народа собиралось к прорицающему идолу.

Здесь Матерь Божия проповедала сошедшемуся к Ней народу, как Она родила Спасителя мира, как Он пострадал за грехи людские и как воскрес и вознесся на небо. Во святой радости взирая на уверовавших в Сына Ея, когда бывшие на горе люди приняли Ее благовестие, Она, отплывая отсюда на остров Кипр, предрекла о горе Афонской: «Да будет это место Моим уделом, данным Мне от Бога, Сына Моего; да почует благодать Его на живущих здесь, и Я буду заступницей месту сему до конца века сего».

Возвратившись из Кипра в Иерусалим, Матерь Господня провела уже здесь остальную жизнь безвыходно, проживши после вознесения Господня еще 15 лет. По свидетельству мужей времен апостольских, Она была роста более чем среднего, лицо и нос имела продолговатые, волосы русые, брови черные, взор пронизательный, речь тихую и приятную. Одевалась в простую одежду, неокрашенную; в гонении и нужде всегда оставалась благодушна и спокойна; к страждущим была весьма милосерда. Так свидетельствуют о Ней Игнатий Богоносец и Епифаний Кипрский.

Успение Богоматери

Не можно изъяснить того, с каким желанием сердца стремилась душа Богоматери к небу, где было Ее сокровище, куда вознесся и воссел одесную Бога Отца возлюбленный Сын ее; только ногами Она касалась земли и одним телом оставалась в мире, а душа Ее, все чувства и помышления были у Бога и в Боге. Огонь божественной любви, непрестанно пламенеющий в Ее сердце, давно бы уже восхитил Ее выше небес, как Илию пророка огненная колесница и кони, если бы не Господь благоволил оставить Ее на земле для утешения учеников Своих. Значит, Она и на земле жила только для успокоения скорбящих и укрепления верующих, которые стекались к Ней

со всех сторон и получали радость и утешение. Но пришло время, и Деве Марии надлежало разрешиться от уз земных, чтобы на небе со Христом быть во славе Сына Своего и Бога. И вот когда по обыкновению взошла Она на Елеонскую гору, откуда вознесся Господь на небо, и молилась здесь, предстал Ей служитель чудес — архангел Гавриил, вручил райскую ветвь и предвозвестил, что через три дня последует преставление Ее от земли на небо.

В день успения Богоматерь пожелала еще свидеться с апостолами, которые были на проповеди в разных странах, и вот, подобно как Филипп по крещении евнуха царицы эфиопской был восхищен и поставлен в Азоте (Деян. 8, 40), апостолы принесены были на облаках в Иерусалим. Принимая последнее благословение Матери Господа своего, апостолы с плачем и рыданием молили Ее яко общую всех Матерь, да не оставляет их в сиротстве, и Она, как повествует предание, «не плакати, но паче радоватися о Ея исходе веляше, яко ближае представши Божию престолу, и лицом к лицу зрящи Сына и Бога Своего, удобнее имать о всех молити и умилоствляти Того благостыню. Извествоваше же плачущим, яко не имать оставити их в сиротстве, по Своем преставлении, не точия же тех, но и весь мир имать посещати, назирати и помоществовати бедствующим».

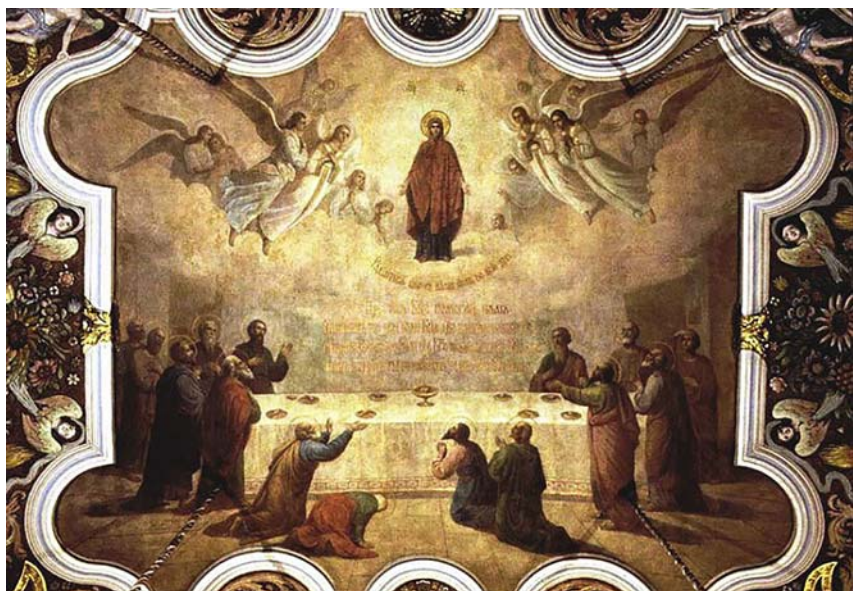
15 августа, в третьем часу по восходе солнца, в храмине, где возлежала Богоматерь на одре, сделалось необыкновенно светло; Господь Сам сошел с небес

принять душу Ее с миром, и Она просила Его, чтобы взоры Ее не видели мерзких и отвратительных духов злобы поднебесной; и за сим, как бы уснув сладким сном, предала дух Свой на руки Сына, Господа Своего.

Чудна была жизнь Богородицы, чудно и успение Ее и погребение честного тела Ее. Когда несли его на место погребения, в Гефсиманию, и пели вокруг него священные псалмы, священник иудейский Афоний схватился за одр с намерением повергнуть тело на землю, и мгновенно руки его отстали по локоть и повисли. Пораженный страхом, тотчас принес раскаяние и получил тут же исцеление; прочие же, которые хотели разогнать поющих, были все ослеплены, так что слышали только шаги и пение, а никого из апостолов не видели.

Тело Богородицы положено было в пещере, против Гефсиманского сада, в котором Господь молился Отцу Своему в последнюю ночь земной Своей жизни; и только к вечеру отошли от него апостолы, закрывши гроб большим камнем.

Слава честному успению Твоему, Богородица!

Первое явление

«Воскресни, Господи, в покой Твой, — провещавал пророк Давид, — Ты и Кивот святыни Твоей». Вмещавшая в утробе Своей Владыку всей твари, подобно Сыну Своему и Господу, не должна была остаться во гробе и видеть тление плоти Своей, так предназначено было в Божием совете и предвозвещено в пророческом писании. Чтобы явить сие дело Вышнего, Божией судьбой определено было Фоме апостолу, изъявившему некогда сомнение в воскресении Христовом, предстать ко гробу Богоматери на третий уже день после успения ее. Достойны были жалости рыдания Фомы, что он не удостоился, как прочие, увидеть в живых Матерь Господа своего; и вот открыли

гроб Ее, чтобы он утешился целованием пречистого тела Ее. И что же? Апостолы увидели во гробе, где лежало тело Пречистой, одни только погребальные пелены. Удивление и недоумение были общие. Но вот в тот же день, после трапезы, когда други Христовы, по своему обыкновению, восстали, чтобы прославить Господа, вдруг увидели на воздухе Матерь Его в великой славе, окруженную небесными силами, и слышали Ее голос: «Радуйтесь! Я с вами есмь во вся дни». Движимые духом радости, апостолы, вместо обычного возгласа: «Господи Иисусе Христе, помогай нам», — воскликнули все: «Пресвятая Богородице, помогай нам!»

Так жила и так представилась от земли на небо Пресвятая Дева, Матерь Божия. Не присутствуя на земле телом, Она не оставляет и ныне посещением Своим всех верных, яко чад Своих, и молитвами Своими источает бесчисленные благодеяния христолюбивым людям. Слава Тебе, Пресвятая Богородице! Слава Твоя боголепная богоподобными сияет чудесы.

Нравственное достоинство и величие Богоматери

Проследив жизнь Божией Матери, нетрудно теперь усмотреть, сколь было высоко Ее нравственное достоинство, посредством которого Она достигла такой благодати, что удостоил Ее Господь быть Матерью Своей и через то возвеличил Ее превыше всякой твари. Сие понятно быть может и из того, что если бы нашлась в мире хотя одна жена выше Ее благонравием, то была бы несообразность в том, что Она преимущественно избрана быть Матерью Единородного Сына Божия. Но как не может быть несообразности в судах и делах Божиих, то потому и должно судить, что Препоблагословенная в женах была и в нравственном достоинстве превосходнее всех людей. Это легко видеть можно, если только обратим внимание сначала хотя на смирение Ее, так как преимущественно относилась Она Божью благодать к смирению Своему: «Яко призре на смирение рабы Своей».

Господь смиренным дает благодать и посему учит: поститься ли кто будет, или молиться, или подавать милостыню — все совершать втайне; а для чего? —

«Да не явишися,— говорит,— людям, но Отцу твоему, иже в тайне, и Отец твой, видя втайне, воздаст тебе яве» (Мф. 6, 18). Так точно и поступала всегда Матерь Господа нашего, сохраняя Свое высокое достоинство втайне от всех людей. Сие можно видеть, во-первых, из того, как сокровенна была Ее чистота души от самых близких к Ней. Ибо кому лучше было знать Ее, как не тому, кто удостоен был доверенности хранить Ее чистоту? Но Иосиф вначале так мало знал, сколь должно Ее чтить, что почитал даже возможным обличить Ее, хотя и не хотел того. Он был готов уже повергнуть Сию Сокровищницу таин Божиих, если бы не была Она оберегаема более просвещенными хранителями — Божиими ангелами. «Не хотя Ея обличити,— сказано об Иосифе,— восхотей тай пустити Ю; сия же ему помыслившему, се ангел Господень во сне явился ему» (Мф. 1, 19–20). О, дивно смиренная Дева! Не ближе ли было Его Самой известить Иосифа о том, о чем, наконец, известил его ангел? Почто же ждала Она дальнего вестника с неба? Почто не спешила на помощь праведнику, почти впадшему в несправедливость? Без сомнения, для того, да не явится человеку со своей добродетелью, достоинством и благодатью, но только одному Отцу, иже втайне.

Пришло время родить Ей Божественного Младенца, Царя славы, и вдруг последовали одно за другим новые события, в коих тайну высокого достоинства Матери Господа более или менее открывали то ан-

гелы с пастырями, то звезда и волхвы, то Симеон и Анна пророчица. Когда же ангелы возвратились на небо, волхвы ушли на Восток, звезда скрылась, и Симеон с миром отпущен был из мира сего, когда свет Вифлеемской славы был потушен злобным дыханием Ирода, залит кровью младенцев, тогда где обретается Матерь Света? Она с Младенцем то скрывается в Египте, то удаляется от знатного Иерусалима сколь можно далее и живет в неизвестности среди бедного и ничтожного Назарета; Ее же достоинство и величие в одном Ее сердце. «Мариам же, — как сказано, — соблюдаше вся глаголы, сия слагающи в сердце Своем» (Лк. 2, 19).

Наступило новое время, когда слава чудес и премудрого учения Сына Марии просияла во всей Иудее и Галилее; надлежало бы отблеску славы сей озарить и лицо Богоматери, как однажды и показалось сие. Некая жена, приведенная в восторг учением Господа, начала прославлять Его и Матерь с Ним: «Блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал» (Лк. 11, 27). Но, выражаясь такими околичностями, она ни разу вот не произнесла имени Той, Которую так прославляет; и почему? — Потому, вероятно, что она не знает Ее как и назвать. Другие же вот знали и имя Ее, и Ее личность, потому что не могли сего не знать, и, несмотря на это, оставались в странном о Ней неведении. Так, например, сограждане и соседи Ее, говоря о Сыне Ее, рассуждали: «Откуда Сему премудрость сия и силы? Не Сей ли есть тектонов

сын? Не Мати ли Его нарицается Мариам?» (Мф. 13, 54–55). Вот они не знают и того, что все иудеи заботливо старались знать о себе и о других: не знают они рода, происхождения Марии. Отчего же? Без сомнения, оттого, что Она не старалась показать Себя перед людьми, что происхождение Ее от Давида, и что Она царского рода; потому соседи не умеют назвать Ее и по отце Ее.

Не так еще удивительно, что чужие — ближние ли то или дальние — не воздают славы в мире сем Той, Которую должны ублажать все роды, но вот и Божественный Сын ее, как свидетельствует Евангелие, показывает вид, что Он как бы и не знает Ее или не хочет знать. «Кто есть Мати Моя? — так раз произнес Господь, когда Матерь Его и братья, стоя вне дома, упрасивали, чтобы Он вышел к ним. — Мати Моя и братии Мои сии суть слышащие слово Божие и творящие его» (Мф. 12, 48; Лк. 8, 21). Говоря таким образом, Господь, конечно, не чуждается Своей Матери, Которая прежде всех слышала и приняла с верой слово, которое было сокровенно в Боге; притом и самое рождение Бога Слова дало Ей право называться Матерью Его. Однако, Сын медлил явить людям достоинство Матери — честнейшей херувимов, и не без причины: ибо Он сообразуется с Ее правилом, да не явится Она перед людьми, ища Себе славы от Единого Бога.

Следуя далее за поприщем земной жизни Матери Господа, видим то же самое: где наиболее является

слава Господня, там отнюдь не является Мария, как, например, при торжественном входе Его в Иерусалим, а где является Она, там не слава Ее встречает, как, например, сказано: «Стояху при кресте Иисусове Мати Его» (Ин. 19, 25). Прошедши за распятым Господом через дверь Его гроба в область славы воскресения Его, видим, — вот уже и последний по вере ученик Его славит Его Божество: «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20, 28). Уже за славой воскресения следует новая — вознесение Его на небо; посмотрим, нет ли где человека, или дела, или слова такого, в котором бы показалась хотя теперь слава Божией Матери, которую равно усмотрела Елисавета и возвещала хотя без свидетелей и последствий? В книге Деяний святых апостолов написано: «Сии вси бяху терпяще единомушно в молитве и молении, с женами и Мариєю, Материю Иисусовою» (Деян. 1, 14). Вот какое удивительное слышим сказание! Не только после всех апостолов, но и после неких неизвестных же едва, наконец, вспомнил писатель апостольских Деяний упомянуть Марию, Матерь Иисусову. Что же, неужели евангелист Лука так мало чтит Матерь Божию? Сохрани Бог допустить такую мысль, унижительную для апостола и оскорбительную для Господа! Так почему же упоминает он Матерь Господа после всех? Сие можно изъяснить не иначе, как тем, что так вела себя смиренно Матерь Иисусова посреди Его учеников и всех верных. Хотя по высоте благодати, по духу веры и любви Она была первая в Церкви Христовой,

но по смирению Своего сердца и по образу Своих действий Она казалась на ряду с прочими женами, даже была как бы самая последняя из них.

Рассмотрев смиренный образ деяния и поступков Девы Марии, легко можно приметить в Ней другую добродетель, столь же возвышенную и приятную Богу, изрекшему: «На кого воззрю (посмотрю с любовью)? — только на кроткого и молчаливаго» (Ис. 117, 2). День Благовещения начинает открывать в Ней чудную молчаливость, которая служит украшением души не одних дев, но всякого благоразумного человека, по Писанию: «Муж мудрый водит безмолвие» (Прем. 11, 12). Вот является Ей ангел и говорит: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах». Здесь для любопытного ума и немолчаливых уст необходимо привелось бы спросить: «Кто ты? Зачем пришел к Одинокой и за что так превозносишь?» Но уста любобезмолвной Девы неподвижны, язык Ее не спешит ответить небесному приветствию. Дева молчит и размышляет, как свидетельствует истина: «смутися о словеси его и помышляше». Ангел тотчас успокаивает Ее душу словом: не бойся, — в пояснение именованья Благодатной присовокупляет, что Она обрела благодать у Бога. Потом предсказывает Ей зачатие во чреве, рождение Сына, Его спасительное имя, божественное достоинство, чудное воцарение и бесконечное царствование. Сколько тут предметов для любознательного испытания, причин для человеческого разглагольствования!

Но Благодатная не испытует тайн благодати; Благословенная не говорит о том, что выше слова и разума. И теперь Она не нарушила бы Своего обычного молчания, если бы любовь Ее к девству не принудила спросить: «Как будет сие, идеже мужа не знаю?»

При сем не бесполезно указать и на сие достоинство Пресвятой Девы, на Ее девственную чистоту, ненарушимую и брачным обручением мужу. Чтобы правильно понимать сие слово: идеже мужа не знаю,— нужно необходимо поверить тому преданию, что Дева Мария навсегда обязала Себя хранить Свое девство свято и ненаруσιμο. Иначе же ей, как уже обрученной мужу, не следовало бы и спрашивать о возможности родить Сына: как будет сие? Также и словом Своим: не знаю мужа! — Дева дает знать, что у Нее нет мужа по обету девства, хотя он и есть по обряду обручения. Итак, сими словами открывается тайна обручения девы Марии с Иосифом, под которым таится обручение Ее с Богом; и вот сие отречение Девы от мужа подает ангелу причину возвестить Ей достоинство Богоневесты: «Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя».

Благовестие было принято; ангел удалился, и Дева зачала: Слово плоть бысть,— и явились признаки чревоношения. Но вот, хотя Пресвятая Дева «обретется,— как сказано,— во чреве от Духа Свята», однако, Иосиф не может знать более того, что показывало чрево: ему не открыта тайна воплощения Бога Слова. Ибо, если бы он знал ее, то мог ли бы думать об

обличении Богоневесты или решиться отпустить Ее? А он думал о первом и решился было на последнее: «не хотя Ее обличити, восхоте тай пустити Ю». Таким событием указывается на то, что у Девы Марии было столь чудное молчание, что недостает и слов выразить его; Иосиф видит в Ней, чего не ожидал и чего понять никак не может, а Мария, подвергшаяся подозрению, видит Себя в опасности изгнания, даже осуждения на смерть, и молчит, не открывает Божией тайны и силы, действующей в Ней. Что же это значит? К чему служит такой непонятный подвиг молчания? То, что Дева Мария есть совершенный сосуд Божией благодати, сосуд такой, который никакое искушение повредить, никакие удары напастей и бед сокрушить не могут. Ибо, как вещественный сосуд бывает негоден, когда течет или дает выдохаться тому, что в него вливается, так и духовный сосуд делается недостойным, если не удерживает влияющей в него благодати, но изливает и выдыхается словом праздным и нетерпеливым, без нужды и без пользы, словом ропотливым или тщеславным. Если и говорила Мария о Своей тайне с Елисаветой, то потому только, что той открыта была сия тайна Святым Духом; но если бы Она стала передавать ее Иосифу, то или по страху, или же по человеческому доверию и, следовательно, не по Божиему побуждению. Потому Она и таится от Иосифа, которому, может быть, более всех открыто было Ее сердце, так как избрала его стражем Своего девства, и таится с явной для Себя

опасностью. Такое молчание доказывает, что Она, восприняв в Себе Слово Божие, Его хранит в Себе, как сокровище, и любит паче избранного, паче даже жизни Своей. Ибо предстояла Ей опасность подвергнуться и осуждению, если бы Божие Провидение не послало ангела открыть Иосифу велией тайны — что рождающееся в Ней есть от Духа Свята.

Кто имеет довольно внимания, чтобы мог следить за Матерью Господа по всему пути земной Ее жизни, тот везде усмотрит один и тот же характер глубокой Ее молчаливости. Только четыре раза отзывался в Писании глас Ее: сначала, когда открыла перед ангелом обет Своего девства и смиренно предала Себя в волю Вышнего. Вторично, отклонив от Себя похвалу Елисаветы, воздала славу Господу. Потом слышался еще голос нежной Ее любви к Сыну в кроткой жалобе: «Чадю! Что сотворил еси нама тако?» И, наконец, на браке, где Ее любвеобильное сердце сжалилось над бедностью радушных хозяев и заставило Ее обратиться к Сыну. Но, чтобы усмотреть величие и силу Ее молчаливого духа, посмотрим еще, как Она стояла перед крестом страждущего Сына, и предреченное Симеоном орудие пронзало душу Ее. Если и чужие не могли удержаться от слез, когда Он шел еще на Голгофу, то, по-видимому, чего надлежало ожидать от Матери, когда Она видела Его распятым на кресте? Воплей, рыданий? Но, и по замечанию самовидца, мы ничего такого не слышим. Она, без сомнения, страдала как никто другой, кро-

ме Распятого; однако душа Ее не была поглощена бездной страданий. Всегда преданная воле Божией, Она и теперь смиренно и безропотно перенесла казнь и смерть Своего Сына.

При сем, взирая на образ смирения и молчания Пречистой Девы, Матери Господа, познавай, христианская душа, сокровенную в Ней добродетель, о которой писал пророк: «Вся слава дочери царицы внутрь Ея» (Пс. 44, 14),— и научись возлюбить сию красоту духовную, которая есть перед Богом многоценна; старайся сохранять всегда свое высокое достоинство в неистлении кроткого и молчаливого духа.

Не легко, как видится, обозреть весь жизненный путь Пресвятой Девы, большей частью закрытый и Ее собственным безмолвием, и молчанием о Ней евангелистов. «Вертоград заключен есть, сестра моя невеста,— изрек о Ней Дух Святой,— вертоград заключен, источник запечатлен» (Песн. 4, 12). Однако, проникнем еще взором ума в сей таинственный вертоград, как бы сквозь ограду, и, при посредстве откровений, увидим и еще цветы Ее добродетелей и ощутим благоухание Ее благодати.

Конечно, никто не сомневается в том, что для избрания Девы в Матерь Единородного Сына Божия требовалось высокое в Ней достоинство, какое только может быть на земле. Но в чем же оно должно состоять у существа разумного и свободного, как не в возвышенном, чистом воззрении ума и постоянной сильной склонности к добру? Чтобы могло осязать-

ся сие достоинство в Избираемой, надлежало дать место Ее способностям ума и воли. И вот, непонятное для иных Ее смущение от высокого ангельского приветствия, что иное знаменовало, как не движение души глубоко смиренной? Удержание сего смущения в молчаливом размышлении — это показывало в Ней мудрость и величие духа. В вопросе: «Как будет сие, идеже мужа не знаю?» — проявилась неизменная любовь к чистоте девства. Наконец, в решительном изречении: «Се раба Господня; буди Мне по глаголу Твоему», — нарекла Себе послушание вере.

«Если верую, — как учит апостол Павел, — вселяется в сердца Христос» (Еф. 3, 17), приблизившийся уже к людям, соединившийся с плотью и кровью их, то сколь превосходнейшей веры требовалось от Девы Марии для первоначального вселения в Нее Сына Божия, по святости и высоте Божественного Естества, недоступного к грешной твари! И, однако, обрелась же в Ней такая вера, которая сделала для Нее возможным послушание такому призыванию, безмерно высокому, каково быть Матерью Господа, и притом без всякого со стороны Ее превозношения. И сие-то послушание веры преклонило Ее душу под осенение Святого Духа, соединило Ее волю с волей Божией, отверзло сердце Ее для входа силы Вышнего, и Вечный Свет пришел и засветил и в Ней новую жизнь, которая должна существовать для неба, жизнь вечную в жизни временной, всеоживляющую в умирающей, божественную в человеческой. «И слово, Им же вся

быша, Которое было у Бога и было Бог, плоть бысть, и вселися в ны» (Ин. 1, 1, 3, 14).

Дивны дела Твои, Господи! Дивны и тайны Твои, Богородице! Архангел не всуе взывал Тебе: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!» Господь был с Тобой не одним благодатным присутствием, но и существенным в Тебе вочеловечением. Благодать непостижимо высокая! Радость безмерно великая! И свет этой радости во тьме светился, и тьма скорбей не объяла его, не сокрыла, не уничтожила в Тебе; ибо Господь с Тобою бысть, и вера в Него не ослабла в Тебе.

При сем углубимся умом в тайны неведомых судеб Божиих и посмотрим еще, какие ужасные мраки скорбей земных обледали в мире сем Деву Марию, Сию живоносную Обитель Божественного Света! Еще Свет Сей, в котором живот бе (Ин. 1, 4), не воссиял от утробы Ее, как близ Ее уже восстала буря помышлений сомнительных и, омрачив Иосифа, едва не низложила сего стража Света. Когда же из вертепа и яслей отправился Свет присносушный в самых небесах и слава о Нем небесная отозвалась на земле, когда озарял Сей тихий Свет и простодушных пастухов, и дальновидных мудрецов, — злобный Ирод и весь Иерусалим с ним смутился от близости Света, и подвигся царь на смертную брань против безоружного Младенца. Тогда и Ей, Матери Света, надлежало убежать во тьму языческого Египта, бояться возвращения в отечество Света, поселиться,

наконец, в Галилее, среди людей, сидящих во тьме и сени смертной. Праведный Симеон, один из немногих таинозрителей, рано увидел, узнал и принял на руки Свет в откровении языков; но когда Сей Свет осветил для него будущее, тогда оружием пророческого слова пронзил он душу Матери Света, Которой суждено было впоследствии уязвиться оружием скорбей крестных. Божественное провозглашение Сына Ее на Иордане, светоличие Его на Фаворе, торжество учения и чудес Его довольно ли озаряло душу Благодатной, мы довольно не знаем; но то и в Писании возведено и по собственному разумению нашему понятно, как многи и разнообразны были скорби Ее о Сыне, когда Она видела Его то в изнурении от подвигов и истощении сил, то в пререкании у народа и опасности от врагов, то, наконец, в самых руках врагов! Особенно, когда произносимые против Него вопли и хуления, наносимые Ему удары и раны поражали материнское сердце; когда Он вместо Себя дал Ей чуждого сына; когда видела Она последний Его взор, слышала последний глас и сопровождала бездыханное Его тело. Свет воскресения Христова, без сомнения, осиял Ее обильнее всех; но тем не более ли, как после молнии ночь, темной и безвидной оставалась для Нее земная жизнь, когда Свет святых сокрылся от Нее в вознесении на небо? И сия ли есть судьба Благословенная в женах, — сперва быть сиротствующей Матерью после умершего на кресте Сына, потом от воскресшего и присноживущего в не-

бесной славе вновь оставаться на земле сиротой? Таким-то вот путем прошла в сей юдоли слез Пресвятая Дева к вечному блаженству и небесной славе, путем, воистину небезбедным и многоскорбным; и все напасти Она перенесла смиренно, безропотно, воодушевленная великой верой и терпением.

Но возвратимся назад и станем на том месте, откуда можно еще обозреть обширное поприще, по коему прошла Матерь Господа нашего, претерпевшая все искушения, какие только мог нанести Ей злобный мир. Сие возвышенное место есть гора Голгофа, на которой видим, по указанию самовидца, Марию, стоящую при кресте Иисусове (Ин. 19, 26). При этом нужно вспомнить, что время страданий Христовых было временем опасности для всех близких к Нему; посему и «ученики Его вси, — как сказано, — оставльше Его, бежаша», — все, не исключая и Петра, который отважился было войти за Ним на двор архиереев, но не выдержал испытания и предался горькому плачу, не исключая и Иоанна, которому, однако, скоро любовь возвратила мужество и повела его вслед за Учителем своим до самого Его креста. Но Мария, Матерь Иисуса? Никто не видит Ее ни в страхе ни в бегстве: Она стоит при кресте Сына Своего в таком духе, который выше и апостольского мужества, превышает и личной Своей опасности. Кто захотел бы изъяснить величие душевных Ее сил одной материнской любовью к Сыну, тот оказал бы себя только слабым толковником мужественного при кресте стояния Матери

Иисуса. Если Она руководилась одной естественной любовью к Сыну Своему, то чего бы должно ожидать для Ее сердца, души и самой жизни от тех страданий Господа, при виде которых и чужие ударяли себя в грудь, и земля трепетала, и камни разорвались, и солнце померкло? Нет, любовь естественная делает более еще непонятным то, как Мария могла стоять при кресте, не предаваясь стонам, воплям, жалобам и не подвергаясь в безжизненное изнеможение. Чем же может быть изъяснима такая крепость Ее духа? Ничем иным, как лишь преданностью души Ее судьбам Всевышнего, Ее крепкой, несокрушимой верой в Божественную силу Сына Своего, Ее совершенным познанием Христовых таин, кои Она раньше всех постигла и усерднее всех соблюдала в Своем сердце. Вера несомненная на мгновение ока, упование выше всякого упования, любовь не естественная только, но обоженная, духовная, — вот что питало душу Пречистой; и внутренний свет в Ней не объяла тьма, не угасила и смерть Сына, так что Она непоколебимой стопой вошла в светлую радость воскресения Христова.

Далее, исследуя со всей точностью всякое писание о Пресвятой Деве Марии, можем усмотреть еще в Ней высокую добродетель совершенного нестяжания, добродетель, по-видимому, скромную и неблистательную, но делающую всякого преданного ей совершенным в богоугодной жизни. Постоянно держась добровольно, ради Христа, лишения временных благ, Пресвятая Дева была чужда всякой зем-

ной привязанности, всех мирских выгод. Это можно видеть из того более, что Сын Ее со креста поручил ученику Своему, и с того времени, как сказано, ученик тот взял Ее к себе (Ин. 19, 27). Из сего должно заключать, что Матерь Господня не имела собственного обеспечения. Ее любовь и вера побуждали быть всегда близкой к Сыну Своему, и потому как Он был чужд братии Своей, так и Она; как Он не имел где главы преклонить, так и Она не имела пристанища на земле, ни собственного своего жилища.

Из сего поучайся, христианская душа, не гоняться за суетными благами, не дорожить временным спокойствием, но старайся идти по следам Матери Божией и берегись, чтобы жизненный путь твой не был далек от христоподражательного Ее шествия. Для сего приблизься умом к Ее образу жизни и всмотрись прилежно в следы Ее; ибо Ее следы суть указания пути к Богу, они поведут тебя, хотя не всегда, по прекрасным местам, приведут и на Голгофу, но зато верно и несбивчиво доведут тебя до Царства Небесного, — к вечному блаженству и вечной жизни. По сказанному у пророка, «приведутся Царю Девы вслед Ея» (Пс. 44, 10), — достигнут со Христом Богом души чистые от любви мира сего или предпочистившиеся покаянием и слезами.

Приметив, сколь могли, высокие душевные свойства Пресвятой Девы Марии, которые Она оказала в глубоком смирении, гонении из-за Христа, бедности и безвестности в земной Своей жизни, — теперь

посмотрим на другое поприще, бесконечное во времени, поприще славы и величия, которых сподобилась Преподобная в женах здесь еще, на земле, и которые особенно открылись со дня успения Ее. Чтобы удобнее было созерцать боголепную славу Ее, прежде воззрим на проречение Ее о сем: «Се бо отныне ублажат Мя вси роди» (Лк. 1, 48). По изреченному пророком Иеремией: «пришедшу слову познают пророка» (Иерем. 28, 9), — достоверно уже для нас, что сказанное за осьмнадцать веков перед сим Пресвятой Девой есть не простое слово или гадание, получившее вид предчувствия, но пророчество в полном смысле сего слова. Иначе же как могла бы смиренная Дева, обрученная плотнику, догадаться, что Ее узнает мир, будут почитать все роды во все времена? Из того ли только, что Ей было предсказано от ангела быть Матерью Христа? Но если бы Она рассуждала о сем по разуму и понятию Своего времени, как и апостолы, которые, три года слушая учение Христово, все еще ожидали только на сей земле устроения царства Израилева (Деян. 1, 6), — то как мало могло бы сие вести Ее к ожиданию всемирной славы? Кто из царей Израилевых был знаменитее Давида? Чья память в народе израильском почиталась благовиднее памяти родоначальника Авраама? Но матери Давида и Авраама не только не ублажаются, но даже никто и имен их не знает. По такому примеру могла ли Матерь Христова ожидать, что Ее будут ублажать все роды во все времена? К тому же еще

надо взять во внимание глубокое Ее смирение, Ее неизвестное в мире сем положение. Кто думает немало о своем достоинстве, видит себя довольно вознесенным перед прочими, тот может еще льстить себе преувеличенной надеждой; но расположение духа Марии было совсем не таково. Она, и когда прославляла Бога за Свое избрание в высочайшее служение Господу, усматривала в Себе одно ничтожество, смиренно называла Себя только рабою Его: «яко призрена смирение рабы Своея» (Лк. 1, 48). Как же вдруг от столь смиренного мудрования переходит Она к столь высокому о Себе вещанию: «отныне ублажат Мя вси роди». Очевидно, такая мысль явилась в Ней уже не от собственного рассуждения, но всеведущий Дух Божий озарил Ее разум, и Она прорекла о Себе то, что определил о Ней Бог. «Ни бо волею,— как сказано,— бысть когда человеком пророчество; но от Святаго Духа просвещаями глаголаша святии Божии человецы» (Пет. 1, 21).

Как предсказание о славе Матери Господа показывает, что Она говорила по внушению Духа Божия, так и самое событие Ее слов являет, что Ее прославление есть дело Божие. Ибо оно образовалось и утвердилось во вселенной не простым путем, согласно обычаю мира сего, предпочитающего природные дарования, знатное происхождение, богатство и прочее, но неким сверхъестественным образом. Если находит славу мира сего, кто ищет ее и не упускает случая, где может встретиться с ней, то это естественно,—

он идет путем мира сего. Но если убегающий славы входит в славу и притом такую, которая выше той, какая быть может от человека, то очевидно, что тут действует Божие мановение, указание свыше. Хотя и так Сын Божий говорил: «Славы от человека не приемлю» (Ин. 5, 41), хотя и всегда поступал Он согласно Своему слову, однако, славой Его исполнилась вся земля, и разумно всякому, что слава сия есть, «яже от Единого Бога» (Ин. 5, 44). Таким же путем вошла во всемирную славу и Та Преподобная в женах, Которая чуждалась на земле всякой славы. По нашему разуму не следовало бы Ей удаляться от славы, которую Сама Себе предрекла; однако, Она избегала ее. Когда бывал народ в восхищении от божественных глаголов Сына Ее, когда он славил Его за чудеса, торжественно встречал Его, как Царя, — мы ни разу не видим, чтобы Мария находилась близ Него. Но из евангельского известия кто не приметит то поспешающую Ее с материнским участием к Сыну Своему, когда разглашают о Нем враги Его, что Он «неистов есть» (Мк. 3, 21), то стоящую Ее у креста Его и разделяющую поругания и страдания Его? Видеть можно также, что и Сын Ее не спешил явить миру славу Ее, дабы не показать сие делом естественной любви, потому и неудивительно, что и ученики не могли — как и многие другое — понимать то, какой чести и уважения достойна Мать Его. По всей вероятности, они и обращались с Ней сообразно с Ее смирением и временем, когда Иисус не был еще прославлен. И Ему

нужно было уже с креста преподать возлюбленному ученику Своему начатки того убажания, которого достойна была Матерь Его, такими словами: «Се Мати твоя».

Теперь посмотрим и на то, как во время еще земной жизни Девы Марии неприметным образом приходит слава Ее. Как из облака молния, вдруг является слава Матери Иисусовой из уст некоей жены, воздвигшей глас от народа, сказавшей в похвалу Иисусу: «Блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал!» Неизвестная жена, конечно, не слыхала, как за тридцать с лишком лет перед тем Матерь Иисусова сказала одной Елисавете: «ублажат Мя вси роди»: но как верен исполнительный ответ ее на пророчество Матери Господа не только в мыслях, но и в слове: «блаженно чрево»! Неприметно ли здесь уже, как в предсказании и исполнении пророчества действует один и тот же Дух Божий, начинающий уже воздвигать все роды, да ублажат Марию Деву? Но вот когда распятый Сын Ее и Господь стал прославлен вознесением на небо, тогда и слава Его Матери является уже не мгновенно блистающей, яко молния, но, по выражению Соломона, «восходящею аки утро, избранною аки солнце». Она была посреди одиннадцати апостолов, как Матерь Господня, заменяющая Собой Господа, как на сие указывает Писание: «сии вси бяху терпяще в молитве с женами и Мариєю Материю Иисусовою» (Деян. 1, 14). Не быв до того видена ни разу среди апостолов, Она теперь неразлучно была с собо-

ром их. Как сосуд, в котором было миро благоуханное, и после оно благоухает, так и Дева, имевшая в утробе Своей Того, Которого имя есть Мирозливанное (Песн. 1, 2), оставалась для всех верных как бы благоуханным кадилом, средоточием их единства. Она как бы заменяла Собой Сына Своего, Господа Бога, хотя, по смирению Своему, и продолжала уклоняться от всякого первенства между ними.

Настал последний день земной Ее жизни, и вот, как указывает предание, весь апостольский собор, отовсюду собранный Духом Божиим, предстал перед Ней, чтобы не столько оплакивать, сколько прославлять честное Ее усение. И что же еще видим? — Вот уже не ученик Распятого берет Ее в дом свой, не услугою рыболова пользуется теперь Она, но Господь господствующих поемлет Ее в небесный чертог Свой и дает Ей, как Матери Своей, участие в Божественной Своей славе, которую имел Он у Отца прежде бытия мира. Подобно как слава Господня на земле от гроба воссияла и Ее боголепная слава, который, оказавшись на третий день праздным, тем явил, что и в Ее богоносном теле смерть не нашла себе пищи, — ничего тленного, зараженного грехом. Как прежде неверие Фомино послужило к достоверному познанию воскресения Христова, так и теперь коснение Фомы, хотя невольное, было средством к проявлению вознесения Матери Христа на небо, — сокровенного, как сокривенна была и самая жизнь Ее. Теперь уже не один ангел благовествует Ей: радуйся, — не одно

небесное зрение видит в Ней Благодать, которой Она сподобилась от Бога; но в Церкви великой, во всей вселенной возглашается о Ней радость, и вместе с ангельским собором и человеческий род ублажает Ее. И кто еще не видит, как святая Церковь при всяком богослужении ублажает Матерь Божию, с каким восторгом самому рождению и младенчеству Ее воздает празднественную честь? Тщетно мрачные мудрования неправомыслящих усиливались затмить Ее славу: они только изощрили ревность православных к Ее прославлению. Ибо, по слову Твоему, воистину «блажат Тя вси роди», Богородица Дево, и о Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь.

Слово в день Успения

Дивные судьбы Господни показаны нам во всей жизни Богородицы, также и в Ее успении для жизни временной или, так сказать, пробуждении для жизни вечной. Апостолы, восхищенные силой Божией, со всех концов земли стеклись к Богородице, чтобы воспеть Ей песнь исходную и проводить Ее в жизнь нескончаемую. Царь неба и земли сошел с престола славы, чтобы сретить Матерь Свою и принять на руки душу носившей Его на руках Своих. Самая плоть Ее не осталась во гробе, но вознеслась на небо со славою, превосходящей славу херувимом и серафимов.

Если Господь явил нам столько чудес в Ее успении, то и мы должны быть внимательны к сим откровени-

ям и при свете их умудряться во спасении. Господь возвестил, что земная жизнь наша есть только путь к жизни вечной. Он завещал нам царство бессмертно бытия, чтобы мы всеми силами стремились к нему. Но Он, как законоположник, знал, что на пути к нему встретят нас многие скорби. И вот Он делает все, чтобы побудить нас к подвигу и терпению, чтобы мы всегда обращались умом своим к жизни будущей, где нет ни печалей, ни воздыханий, но единая радость бесконечная.

Но кто в силах постоянно в немерцаемом свете зреть жизнь будущего века? Грешникам, удалившимся от жизни Божией, ничего не видно дальше гроба. Для них слово жизнь то же, что и для слепых слово о солнечном свете. Для утверждения в них веры нужны доказательства ощутительные. Вот Спаситель и возводит троих учеников Своих на Фаворскую гору и в Своем преображении показывает им вечную славу. Перед Ним явились Моисей и Илия, за несколько веков прошедшие от мира сего, Не ясно ли, что есть жизнь за гробом, что праведники просветятся, как солнце, во царствии Отца их? Но как мало способны и самые избранные из рода нашего к общению с миром духовным! Сначала они отягчены сном, а когда пробудились и увидели славу своего Господа и предстоящих Ему пророков, — думали, что блаженством сей славы можно всегда наслаждаться на земле, и один из них предложил устроить для того три палатки на горе той. Осталось в сердце чувство

одной радости: ум уже не прозрел в мир духовный. Наступили крестные страдания и смерть Спасителя и совсем изгладили воспоминание фаворского откровения. Вскоре последовало воскресение из мертвых, явление собранным ученикам, осязание одним из них всех язв, причинивших смерть Христу. Сорок дней продолжалось, в которые явления Воскресшего повторялись, и, наконец, в виду всех учеников, с пречистой плотью, Господь вознесся на небо.

Еще ли нужно уверять кого из верных, что гроб есть врата к жизни бессмертной и лестница к небеси? Или, быть может, колеблет веру сомнение, и помыслы вопреки глаголют, что воскресение Богочеловека не может служить образцом и доказательством воскресения всех человеков? Если так, то углубимся умом в настоящее торжество святой Церкви, которая не смертью, но успением называет окончание земного поприща Пресвятой Девы Марии. Вот была же Она одной с нами природы — перстной, а потому и смертной. Но с каким спокойствием Она ожидала Своей кончины! Она совершенно знала, что лестница к небеси, как поет Церковь, гроб бывает, — что душу Ее примет в руки Свои Сын Ее. Будем верить и мы, что праведных души в руке Божией, и не прикоснется им мука (Прем. 3, 1).

Но вот еще не узнали бы мы, что осталось с пречистым телом Богоматери? И самая крепкая вера в Божественную силу не могла бы больше сказать, как то, что Гефсиманская пещера хранит нетленные останки

Преблагословенной в женах. Чтобы не оставались мы в неведении о сем, премудрость Божия творит следующее: все апостолы были принесены на облаках к погребению Матери Господа своего, одному только Фоме суждено тут не обрестися. Когда погребение совершилось, на третий день и он явился; глубокая его скорбь возбудила жалость в прочих. Открыли гроб, чтобы утешить скорбящего зрением Почившей, — и, к общему удивлению, нашли в нем только одни погребальные пелены. Во время же вечери явилась Преблагословенная на воздухе в препрославленной Своей плоти и рекла апостолам: «Радуйтесь! Я с вами на все дни».

Дивны Твои тайны, Богородице, и в Твоем чудном успении, и в милостивом о нас помышлении! Они укрепляют нашу веру в общее воскресение, оживляют надежду наследия вечной жизни. Ибо мы уже видим теперь, что жизнь будущего века, которой мы только чаем, для Тебя уже есть настоящая жизнь, на высочайшей степени блаженства и славы. И мы вопием к Тебе: «Радуйся, Обрадованная высочайшею благодатию Сына Твоего и Господа! Радуйся, Присноживущая, и, по успении Своем, нас не оставляющая! Аминь».

ПРЕПОДОБНЫЙ
СТЕФАН ФИЛЕЙСКИЙ,
ПРОДОЛЖАТЕЛЬ АФОНСКОЙ
ТРАДИЦИИ НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Преподобный Стефан Филейский, продолжатель афонской традиции на Вятской земле

Преподобный Стефан Филейский, Вятский (в миру Куртеев Семен) родился 17 июля 1830 года в семье крестьянина в деревне Молчановской Щербининской волости Вятской губернии близ Вятки (район Северные Ворота г. Киров). В Крещении он был наречен Симеоном, в честь палестинского святого — преподобного Симеона Емесского, Христа ради юродивого (память 21 июля/3 августа). Матери пришлось воспитывать его одной, потому что отец страдал алкоголизмом. Много обид пришлось ей вынести от отца, но она терпела все без ропота. Более того, Ирина Трофимовна, будучи глубоко верующей женщиной, воспитала достойных детей, а за младшего, Семена, она молилась о том, чтобы он посвятил свою жизнь Богу. О матери своей старец вспоминал всегда впоследствии с нежностью: «Она... не была грамотна, но много знала молитв наизусть и нараспев произносила их, — за пражей ли когда сидела, или полола

Иеросхимонах
Сергий (Веснин)

в огороде... Кто при нужде не приходил к ней за пособием! Она даст и бедному соседу коровушку в долг, пособит и девушке-сиротинке выйти замуж...». «Первое счастье для детей — разумная мать», — писал впоследствии старец Стефан.

Семен был тихим и скромным ребёнком, хорошо учился. Среди сверстников Семен выделялся разве что тем, что любил рыть землянки, строить шалаши

и читать там, уединившись, книги.

Старший брат Константин Петрович получил образование в Казанском университете. Затем он поступил на службу в Петербургский департамент, стал крупным чиновником. Он был старше Семёна на 15 лет и ежегодно посылал матери 200 рублей, чтобы брат мог учиться. Мать отдала сына в домашнее училище — частную школу купеческой девицы Александры Алексеевны Суворовой, затем в гимназию.

Однажды Семен сильно повздорил с учителем, дело дошло до потасовки. Учитель, немец Бернгардт,

назвал юного Куртеева «русской свиньей». Сеня возразил. Учитель, окончательно распалившись, попытался отодрать Куртеева, ученика 6 класса, за уши. В завязавшейся потасовке юноша сорвал с немца ненавистную манишку, чем и был подведен итог его учебе. Мать страшно огорчилась, но священник Филейской Покровской церкви о. Стефан Лопатин ее утешил, сказал: «Он у тебя будет слугой Господа; если куда пожелает идти, ты ему не запрещай».

Семен был отчислен. Тем не менее впоследствии он продолжил образование: сперва в Казанском сельхозучилище, а затем в медико-хирургической академии в Петербурге. Но мирская жизнь не привлекала его. В 1850-м году вышла в свет книга иеросхимонаха Сергия (Веснина) «Письма святогорца о святой горе Афонской». Книга настолько сильно поразила юношу, что у него родилось желание стать иноком. Он бросил учебу и решил оставить мир. Но, желая получить благословение матери, Семен вначале возвращается на Вятку. Получив материнское благословение, 20-летний юноша отправился странствовать по монастырям, чтобы найти обитель по сердцу.

Где родился, там и пригодился.

Первым на его пути стал Соловецкий монастырь, но жизнь в северном монастыре оказалась юноше совершенно не по силам.

В Нило-Сорской обители Семен знакомится со старцем иеромонахом Нилом, который благословил молодому Куртееву «возвратиться на родину и там учить детей, ища в этом спасения». По совету старца Нила Семен возвращается в родные места. В версте от деревни, где из-под горы истекают два ручья, на берегу маленького болота, он выбрал себе место для келлии. Выкопал в горе пещеру, наподобие киевских, поставил в ней сруб, в котором можно было только сидеть, стоять или лежать, но не ходить, без дверей, с одним окном, в которое он едва пролезал и другим, под самым потолком. Позже он вспоминал: «Взял пример я с преподобного Зосимы Соловецкого, который тоже жил сначала в маленькой келлии позади своего дома: так и я пожелал жить близ своего дома».

Первое время Семен удалялся в пещерку лишь на время, в основном пребывая в доме родителей. Но брат, видя, что хозяйством он почти не занимается, а все больше молится и читает книги, в раздражении выгнал Семена из дому, подав на проживание всего 17 копеек, возможно, надеясь, что тот одумается, а возможно, и в насмешку над ним. Семен покорился его воле, смиренно взял эту милостыню и удалился в землянку теперь уже на постоянное жительство. На эти деньги он купил раму для окна и масла для лампы, чтобы читать.

Семен углубился в чтение Священного Писания и творений святых отцов, записывая их советы, как драгоценные находки для ума и сердца. Три раза днем

и четыре раза ночью он становился на молитву. Клад земные поклоны, прося у Господа умножения веры. В воскресные дни отшельник приходил в Филейскую церковь. Со временем Семен наложил на себя железные вериги, ел раз в день по чуть-чуть, из горячего принимал только кипяток. Большую часть времени он проводил в келлии, занимаясь выписками из Писания и творений святых отцов. Писал сидя, на ноги свои клал дощечку, она служили ему вместо стола. В землянке не было ни стула, ни стола — только печь для обогрева и несколько икон. Семен старался приучить себя к полному молчанию, которое, по наставлению Самого Господа Арсению Великому, есть корень безгрешности.

Семен любил скудость и нищету, об одежде совсем не заботился.

Однажды сердобольные люди купили ему хорошее платье. Но он тут же отправился в Вятку, продал его, а деньги раздал нищим. Крестьяне говорили: «Вот дурак-то, опять промотал в городе хорошую одежду и ходит, как безумный». Но Семен от такого отношения не унывал, а радовался ниспосылаемым свыше искушениям. Сохранилось описание его внешнего облика того времени: «мужик — в простом азяме, с небольшою бородой, худой на вид, высокий».

«Во все это время ходил Симеон в плохой одежде, и если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою лишнюю одежду, — свидетельствовал впоследствии келейник старца М. Оленев. — Однажды был

такой случай: имел он при себе дубленый полушубок и вспомнил слова пророка: Расточи, даде убогим, правда его пребывает в век века (Пс. 111, 9). Раз идет он в свою пустынную и дальнюю землянку и думает об этих словах: кто же это убогий-то? Кому раздавать? И, проходя мимо нищих, которые сидели на земле кругом и пели какие-то духовные песни, при виде этих бесприютных — хромых, слепых, поющих духовные песни, — он пришел к мысли, что это те самые, о которых говорит пророк Давид. Тотчас же вернулся он в селение, продал свой полушубок за два рубля и деньги эти раздал нищим, которые сидели при дороге и пели. После сего он пошел к своей избушке и вдруг почувствовал в своем сердце такую радость, что невозможно изъяснить языком человеческим. Эту радость он ощущал целую неделю, и ничего не мог делать, как только умильно плакал от радости». По-видимому, таких случаев было много.

От такого образа жизни молодой человек очень похудел. А земляки, изумляясь образу жизни Семена, прозвали его «Сенькой-сумасшедшим». Но надо сказать, что всю свою жизнь Семен был всегда и всем доволен, при недостатках и нуждах спокоен, случавшиеся искушения и скорби переносил мужественно.

Так прожил Семен 10 лет, испытывая крайнюю материальную нужду и насмешки окружающих. Избегая соприкосновения с миром, он посещал только родителей, брата и двух своих друзей. Часто читал для матери Ирины Трофимовны акафист Покрову Бо-

жьей Матери. Со временем сердце брата Ивана смягчилось, и он решил не обращать больше внимания на странности Семена. Семен начал помогать брату по хозяйству, за что получал муку и картофель. Однажды брат попросил его помочь съездить зимой за сеном, стоявшим в лугах. Во время поездки Семен, как обычно, читал Иисусову молитву и смотрел на небо; брат его правил лошадей. Неожиданно Семен увидел, как по небу ангелы несут инока в мантии. Это так потрясло его, что с тех пор и появилось у него желание построить монастырь на Филейке. Святые отцы увещевают нас относиться с осторожностью к видениям и подобным откровениям, но, конечно же, здесь речь идет об особом случае.

Вскоре после этого случая умерла мать, самый близкий человек, любовь которой помогала терпеть трудности. Она очень любила акафист Покрову Божией Матери, и в последние минуты жизни Ирины Трофимовны сын читал ей этот акафист. Мать во время чтения все слабела-слабела, и, как только Семен закончил читать, отошла к Богу.

Остаться в Филейках, где, вероятно, все напоминало о горячо любимой им матери, Семен больше не мог, и, покинув землянку, в которой прожил десять лет, он вновь отправился странствовать. Около полугода он прожил в Саровской пустыни. Был на послушании в кухне и ходил на клирос, для исполнения обязанностей канонарха, так как обладал звучным, приятным тенором. Потом отправился в Киев,

Свято-Пантелеимонов монастырь. Святая Гора Афон

по пути посетил Глинскую пустынь. А от нее добрался до Святой Горы Афон. Зиму он провел в келлии Сретения Господня. Впоследствии о его пребывании была напечатана заметка в Афонском «Душеполезном Собеседнике»: «В этой келлии прожил целую зиму, в бытность на Афоне, известный старец иеросхимонах Стефан, ныне уже отошедший в вечность, основатель мужского монастыря по Афонскому уставу, что близ города Вятки, на Филейке». После о. Стефана в келлии остались сложенная им самим печь и кое-какие другие хозяйственные поделки.

Отметим, что Семен ходил на Афон — пешком, через всю Великую, Малую и Новую Россию и Балканы,

которые в те годы находились под властью Османской империи. Причем это было не в самое благоприятное для путешествий время — между Крымской войной 1854–56 гг. и Русско-турецкой войной 1877–78 гг.

Афон, Соловки, Саров, Глинская пустынь, Таврида... Сколько церквей, скитов, монастырей, гостиниц, приютов и ночлежек повидал Семен, скольких людей встретил на своем пути, житие не сообщает. Но в этих путешествиях вятскому подвижнику довелось познать церковную и народную жизнь во всей ее глубине и полноте. Странствия не только закалили характер Семена, но и дали редкую возможность выбора, почти небывалую для большинства его «оседлых» современников — крестьян, прихожан, священников и монахов, жизнь которых редко выплескивалась за рамки одной местности, одного рода, одной традиции. Поэтому и смысл жизни им виделся, как правило, в верности традиции, своей земле и роду. Семену все это было также не чуждо. И все же ему было дано нечто большее — странствия позволяли сравнивать, размышлять, идти не только вдаль, но и в глубь традиции, веры, самой жизни.

На перепутье

Возвращаясь с Афона, Семен направился в Таврическую губернию к своему родственнику со стороны старшего брата, по фамилии Славич. На жизнь Семен стал зарабатывать обучением детей. Ему отвели в саду

отдельный маленький домик. На одно из занятий пришла девушка. Она стала ходить на уроки постоянно и вскоре прониклась к Семену чувством. Дрогнуло в ответ и его сердце, истосковавшееся по материнской ласке. Тогда-то и выяснилось, сколь глубоко владела им мечта стать иноком и посвятить себя всецелому служению Богу. В одной из своих книг о. Стефан наставляет нас: Господь Иисус Христос в Своем Евангелии указывает два пути спасения. Христианская жизнь в миру и воспитание детей в вере и благочестии — один из путей служения Богу. Господь указывает и на другой путь — более прямой, сопровождающийся большим самоотвержением и аскетизмом, большей ревностью, путь, благодаря которому истинно совершающий его приносит плод Богу во сто крат (ср. Мф. 13, 8).

Целый год Семен горько плакал и просил Бога о пощаде и помощи. Он написал на Афоне своему другу Н. В. Фетисову, чтобы тот помолился на Святой Горе о том, чтобы Господь помог ему избежать брачных уз. «Но если бы,— говорил о. Стефан,— Господь не сохранил меня от юности в целомудрии, то не избавиться бы мне от бракосочетания». Но настолько была велика его любовь, что лишь тяжелая болезнь помогла молодому человеку справиться с собой. Он перебрался в горные скиты в Крымских горах и провел в них два года, страдая от непрекращающейся лихорадки. Ослабевший, в 1862-м г. он возвращается на родину, к своей землянке.

Преподобный Стефан у своей келлии

«Заслуживает особо внимания...»

Жить в землянке из-за болезни Семен теперь не мог и построил рядом избу-келлию, положив ею начало будущего монастыря. Он вел прежний образ жизни, еще более укрепившись духом после странствий по святым местам. Вероятно, к этому времени, за годы странствий, он научился умной сердечной молитве. По просьбе одного знакомого он начал обучать грамоте детей, поскольку он имел образование и был очень начитанным человеком. Теперь он стал пользоваться уважением крестьян.

В конце 1860-х годов в летописи Филейской церкви священник напишет: «Заслуживает особенного внимания по своей просветительской деятельности и до-

Симеон Куртеев
и Исихий Матанцев

бромю влиянию на своих собратьев крестьянин Симеон Петров Куртеев». Однако обучение детей и общение с мирскими людьми, отягощенными своими грехами и заботами, все же утомляли подвижника, и он с другом-единомышленником Исихием Матанцевым вырыл себе для уединения новую пещеру над речкой Курьей, в которую время от времени удалялся.

Однажды случилось там прогуливаться филейскому священнику. Неведомо откуда услышал он «Достойно есть...» и решил, что это поют ангелы, настолько трогательными были голоса друзей-отшельников. Подошел поближе к пещере и тогда узнал, что поет Семен Петрович. Зашел к нему в пещеру, благословил его и сказал: «Я, слушая ваше пение, сначала вообразил, что это поют ангелы, очень показалось приятно и умирительно».

К этому же времени относятся и первые случаи духовной прозорливости Семена Петровича. И. В. Матанцев рассказывал, что в ночь на 4 апреля 1866 года

Куртеев провел ночь без сна, не переставая молиться: «Боже, спаси царя!» Через несколько дней пришло известие, что в тот день в императора Александра стрелял Каракозов, но промахнулся. Его толкнул в сторону оказавшийся рядом крестьянин. Так отмолили, спасли в тот раз царя русские люди.

В другой раз в селе Филейки случился страшный пожар. Сгорело много домов, и лишь тот дом, где в ту ночь находился Семен, остался нетронутым огнем. Он ходил по двору среди пламени с иконой Божией Матери, пел акафист, и искры чудесным образом пролетали мимо дома.

И снова Афон

Молва о некоем монахе, жившем в избушке в лесу недалеко от города Вятки, начала расти, дошла и до губернского города. Кроме того, около избушки Семена появляются домики и других таких же людей, искавших уединения в молитве.

Однажды Семена посетил известный вятский миссионер, протоиерей Стефан Кашменский. Он посоветовал ему идти в Крым, в Георгиевский скит, где у о. Стефана был знакомый настоятель. И вновь Семен отправляется в паломничество. Но, как уже и прежде водилось у Куртеева, в Георгиевском скиту он не прижился. 21 мая, в Крыму, Куртеев вспомнил, что в этот день выходит крестный ход на реку Великую. Сердце его охватила жалость, что он не увидит этого.

Келлия преподобного Стефана

Семен Петрович стал молиться Николаю Чудотворцу, и тут с ним произошло чудо. Позже он вспоминал, что «был внезапно как бы восхищен духом на высоту и видел там свт. Николая Чудотворца. И тогда я был в неизреченной радости, понявши, что значит умосозерцательная молитва».

Вернувшись из Крыма на родину, Семен обучал детей. Но по-прежнему его влекло уединение для беседы с Богом и чтения Слова Божия.

Потом были паломничества в Иерусалим и годовое житие на Афоне. Оказавшись вновь на Святой Горе, он продолжал опекать своих духовных чад, посылая им письма наставления и утешения. Так, сохранилось его письмо с Афона от 25 октября 1870 г. другу И. В., в котором Семен Петрович учил его смирению:

«Делаете ли Вы какое дело, или бываете без дела, дома ли находитесь, или идете куда, сидите или лежите, — всегда и за все осуждайте себя: все люди лучше меня живут; все люди как люди, а я один живу хуже скотины. Если Вы будете постоянно сами себя осуждать, во всяком случае только укорять самого себя, то верьте Богу, что не погибнете... Будьте готовы пред всяким человеком смириться, всякому человеку в ноги пасть, или по крайней мере низко поклониться».

Великорецкая икона
святителя Николая Чудотворца

Как писал про о. Стефана духовный ученик, живя на Св. Горе, старец «...продолжал свои занятия духовной литературой, пользуясь советами о. Иеронима (Соломенцова) — духовника Пантелеимонова монастыря, который любил Семена Петровича за его доброту душевную и откровенность, потому и благословил ему жить в уединенной келлии Святогорца о. Сергия (Веснина, чьи письма некогда изменили его жизнь)».

Иеросхимонах Иероним
(Соломенцов)

Но долго жить на Святой Горе Семен не смог, его влекло на родину, и о. Иероним благословил его, сказав: «Такова воля Божия, чтобы ты жил на своей родине, гряди с миром Божиим», и дал ему на дорогу денег, попросив в будущем их вернуть, тем са-

мым предсказав его широкий издательский труд. Так Семен окончательно укрепился в мысли вернуться на родину навсегда и там служить Господу.

Возвращение

«Многое испытал в жизни, — писал он впоследствии, — я не нашел ничего лучшего для мира и спокойствия души моей, как умеренное принятие пищи, пребывание на одном месте и прилежное занятие Божиим словом, ибо от сего происходит отдаление от всех суетных людей, постоянное богомыслие, очищение сердца, озарение ума, который, прозревая в таинственную жизнь будущего века, успокаивает душу небесною тишиною. Как началом всего худо-

го служит угождение чреву и забота о временном, так и исполнением добродетели и путем к блаженству — воздержание в пище и занятие ума духовным размышлением. Душа такого человека ограждается глубоким миром, ум объемлется безмолвием, и сердце покоится под кровом Божиим: неслышно от него смехотворных слов: в глазах заметны слезы, а внутри печаль по Боге, которая и ведет душу его ко спасению».

Семен вернулся на место своего подвижничества, в лесную келью. Не без скорбных искушений проходила жизнь подвижника. Однажды Семен, во время одиночества его в лесу, утомившись, лег отдохнуть и заснул. Видит во сне, что к нему прилетело множество черных птиц и начали его клевать; проснулся он от сильной боли, но не видел никого в келье. Усмотревши в своем теле множество синих пятен, подвижник понял, что это было вражеское наваждение.

Преподобный Силуан Афонский говорил, что если плодом созерцания «по возвращении» (из духовного состояния, Богосозерцания) явились гордость и безразличие к судьбам мира и человека, то, несомненно, таковое было ложным. Истинность или обман созерцания познается по плодам его. Если мы отвлекаемся от своих обязанностей, пренебрегаем интересами ближнего, то и Афон нам не поможет.

В 1874-м г. стали появляться земские школы. Семена Петровича, как опытного преподавателя, избрали учителем одной из них. В первую зиму у него

Архиепископ Аполлос (Беляев)

было около 200 учеников. Желающих обучаться было еще больше, но мест в классе не хватало. Он обучал ребятшек грамоте по Псалтири и Евангелию, часто покупая для неимущих Новый Завет на собственные средства.

Семена начинают уважать односельчане, и в том числе он получает материальную помощь. Об этом говорит

тот факт, что Семен смог издавать свои сочинения — плод многолетнего труда, выписок из Священного Писания и размышлений. Первая книга называлась «О пьянстве».

Деньги от продажи книг поступали в церковно-приходское попечительство с. Филейки. Однажды книги попали к вятскому архиерею, епископу Вятскому и Слободскому Аполлосу, и очень ему понравились.

Владыка пригласил Куртеева к себе и долго с ним беседовал. Очевидно, он был тронут до глубины души историей его жизни и поисками богопознания, почему и предложил принять монашество. Семен Петрович сначала отказывался, мол, жил во множе-

стве монастырей, но не нашел там удовлетворения, и нашел свое призвание в том, чтобы пребывать в богомыслии и писать духовные сочинения для народа. Но владыка стоял на своем, понимая значение его духовного подвига.

Постриг

Семен Петрович колебался целый год и, наконец, принял предложение владыки. 23 февраля 1877 г. в Слободском Кресто-Воздвиженском монастыре Семен Куртеев был пострижен в монашество с именем Стефана в честь святителя Стефана Великопермского, просветителя вятичей. Спустя несколько дней он был рукоположен в иеродиакона, а потом, практически сразу, в иеромонаха. Однако в Слободском о. Стефан не смог служить по слабости здоровья, и через 7 месяцев его отпустили на покой от службы монастырской. Он вернулся на свою Филейку, продолжая жить в своей пустыньке в лесу. Здесь он занялся написанием новых книг. Книги быстро расходились, в том числе благодаря тому, что через Филейку в то время возвращался Великорецкий крестный ход. Многие богомольцы заходили к о. Стефану, и он продавал им за одну-две копейки свои книги, а то и вовсе дарил. Так разошлись тысячи книг. Кроме того, памятуя долг о. Иерониму, он издает свои сочинения и для Афонского Пантелеимонова монастыря.

О. Стефан

К началу 1880-х годов имя Стефана Филейского знала уже вся Вятка. Душеспасительные книги его читал весь город, проникаясь мыслями старца, как сам он когда-то при чтении «Писем Святогорца».

Скит

Прожив в лесу 6 лет, в 1883-м г. о. Стефан повез свои книги в Раифскую пустынь

Казанской губернии. Как раз там находился владыка Казанский Павел. Познакомившись со знаменитым автором, он предложил ему остаться в пустыни и устроить здесь скит. Однако вятский епископ Аполлос не разрешил этого. Тогда о. Стефан предложил основать скит на Филейке — свою давнюю мечту, хотя что-то вроде скита там уже имелось и до этого времени. Владыка дал согласие, сказав «Бог благословит», дал просфору и выделил немного денег. Так в 1883-м году вблизи губернского города Вятки появился новый монастырь, пока скит. Интересно, что поставлен он был на земле родителей о. Стефана

(похоже, земля перешла к нему после смерти брата). Со своими помощниками и на средства благодетелей старец построил здесь же деревянную церковь, покрытую железом. Были благоустроены дороги и вся прилегающая местность; в оврагах были устроены знаменитые филейские пруды. Вокруг Стефана начали собираться ученики. Многие хотели остаться в новой обители, но батюшка принимал далеко не всех, проявляя большую осторожность, и поначалу взял в скит только шестерых человек.

Всем насельникам были даны отдельные келлии. О. Стефан приучал к уединению и молчанию насельников своего скита, говоря словами пророка Иеремии: *Благо человеку, когда он несет иго от юности своей; сидит наедине и молчит* (Плач 3, 27–28). Советовал каждому заниматься в келлии Словом Божиим и выписывать из него, что найдут особенно поучительным.

Давал наставления, чтобы понемногу творили Иисусову молитву, назначая правило каждому. О. Стефан наставлял братию и говорил, чтобы презирали все земные блага и богатства, а старались возлюбить одного Господа всем своим умом и сердцем. «Где бы вы ни жили, не имейте привязанности ни к чему земному, в особенности не копите деньги: чрез это будете мирны и покойны духом, и Господь вас ни в чем не оставит, — благословлял он. — Тяжело мне поэтому видеть, как многие люди не обращают внимания на повеление Господне — оставить ради Господа име-

ние свое: они были бы покойны, и получили бы сто-рицею здесь, и наследовали бы жизнь вечную. Но все обратили ум и сердце к исканию видимых благ, и от этого души их умирают в печали мирской, ибо апостол говорит: *Печаль мира сего смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10). Верьте, — говорил далее о. Стефан, поучая свою братию, — со слезами говорю вам, верьте всем словам Господним, апостольским и пророческим, в них все — одна истина». Часто посещал о. Стефан в келиях свою братию и преподавал духовные наставления каждому наедине. Отец Стефан насаждал традиции афонского старчества — в скиту о. Стефан установил откровение помыслов: каждый из братии должен был каждодневно исповедовать свои помыслы. Ближних своих отец Стефан старался держать в духе любви. Вот один пример того, как сам он обращался с братией. Один из его послушников решил уйти в другой монастырь. Отец Стефан его долго не благословлял: «Тебе там хуже будет». Но потом сказал словами апостола Павла: *«Все испытывайте, хорошего держитесь»* (Фессал. 5, 21). Ну, и ты испытай, сходи. Но если придет желание возвратиться ко мне, то иди: я приму с любовью. Но если будут тебя отговаривать: не ходи к о. Стефану, — то ты не слушайся, а приходи, поживешь со мною хотя бы года четыре — и то будет на пользу». Так и вышло. Не прижился этот человек в другой обители — такая тоска на него напала, что от плача сделался больным. И через полгода, несмотря на уговоры, вернулся к

о. Стефану и прожил с ним, действительно, четыре года — до смерти батюшки.

«Старайтесь иметь мир,— говорил батюшка,— и любовь со всеми; для сего, еще прошу вас, не оставляйте Слово Божие, ибо бывает велик мир Божий у тех, кто любит читать закон Божий (ср. Пс.118, 165),— говорит пророк Давид. Чтобы иметь спокойный дух, для этого не нужно выходить часто из келлии, нужно удаляться от празднословия и пустословия и иметь всегда в уме и сердце молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Это молитва скорее всякой молитвы доходит до Бога, и душа через нее получает мир и радость о Господе». Братии о. Стефан советовал причащаться часто: «Вследствие частого приобщения Святых Таин,— говорил он,— мы освобождаемся от скверных, лукавых помыслов, и возрастает в нас плод духовный: *любовь, мир, долготерпение, милосердие, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). Перед Исповедью он заповедовал особенно хранить молчание, чтобы удобнее было осознать свои грехи, прежде чем пойти к духовнику и с сокрушенным сердцем исповедоваться — чисто-сердечно, без стыда, ибо тогда только обымет душу мир и радость».

После основания скита почитание о. Стефана еще более увеличилось. По словам современника, «народ шел к о. Стефану громадными толпами, кто за советом, кто за благословением». Еще больше народа посещало его в мае, во время возвращения Велико-

рецкого крестного хода. Многие имели возможность пообщаться со старцем, попросить его благословения или совета. Отец Стефан раздавал богомольцам свои книжки, завоевывая ими еще большую любовь к себе. По просьбе народа с 26 мая 1884 г.о. Стефан начал служить в своей церкви молебны, увеличив еще раз число богомольцев. Пели тихо. Куртеев считал, что «громкое пение приводит человека в надмение, а тихое и внимательное приводят к умилению и молитве».

Преподобный Стефан распространял афонское влияние среди вятского общества и через почитание афонских икон. Когда в его пустыни была построена церковь и украшена иконостасом, он перенес в храм из своей келлии икону св. Пантелеимона с частицами его мощей. Этот образ он привез из г. Елизаветграда Херсонской губернии в ноябре 1883 г., от местного купца Тита Тимофеевича Якимова, которому его прислали из Афонского Пантелеимонова монастыря. Почитание образа быстро распространилось по губернии, сюда стали привозить множество больных для совершения молитв. Отец Стефан служил над ними молебны, мазал их елеем из лампадки, которая была перед образом вмч. Пантелеимона, и, по словам современников, многие по вере избавлялись от своих недугов.

Сохранилась рукопись дневника неизвестного по имени монаха Александро-Невского Филейского монастыря, в котором есть упоминание о чудотворном образе: «Сия святая икона была бережно поставлена в киот, сделанный специально для нее: с резьбой и по-

золотой в 150 руб., а риза с драгоценными камнями и золотом в 384 руб. <...> Пришедши в храм <...>, был отслужен молебен святому Пантелеимону, причем народу было столько, что стояли и в храме, и на улице, вплоть до ограды церковной. После молебна святой образ был выставлен на большой аналой, и весь народ весь этот день и ночь, и еще день, и еще ночь непрерывно приходил кланяться сему славному образу. Многие из народа, равно и братия, слышали чудесное благоухание <...> Решиша пребыти сей иконе во граде Вятке до трех месяцев, а далее двинуться с ней на град Пермь». Икона сохранилась до наших дней. В 1998-м г. в ней был обнаружен тайник, внутри которого был золотой крест и записка следующего содержания: «В сем кресте св. мощи св. целителя Пантелеимона и св. новомуч. Евфимия Афонского Св. Афон 1863, 6 декабря, настоятель обители Благовещения схимонах Парфений».

Как-то один иконописец писал в скитской церкви копию с чудотворного образа великомученика Пантелеимона. Жил он нецеломудренно, и в это время пришли ему на память все его грехи, и враг начал смущать его, чтобы он впал в отчаяние, и приводил ему на ум различные помыслы: «Нет тебе спасения от Бога: за твои грехи ты достоин вечного мучения». «От таких мыслей,— говорил иконописец,— я пришел в крайнее уныние и почувствовал себя на краю самой глубокой пропасти отчаяния. В это время вдруг, неожиданно, выходит из алтаря ко мне о.

Стефан (а я не видел, как он зашел туда), положил на мое плечо руку и, смотря на меня ласковым взором, сказал мне: «А святые-то разве были безгрешны? Но они не отчаивались. Вспомни о святом Давиде: он совершил прелюбодеяние и убийство, но принес Богу чистосердечное покаяние, и Бог помиловал его, и он остался во пророках. Вспомни также первоверховного апостола Петра: он отвергся Христа, но принес покаяние и остался верховным апостолом. Поэтому не унывать и приходить в отчаяние, а приносить покаяние нам нужно в своих грехах, и Господь спасет нас». От этих слов о. Стефана,— говорил живописец,— с меня как бы гора спала; я ободрился духом и исполнился мира и радости Божией».

Со временем, кроме выстроенного храма, было воздвигнуто до 13-ти деревянных больших и малых домов, мукомольная мельница, устроено несколько прудов. Ежедневно здесь кормилось более 50 человек. Бедные вдовы с малолетними детьми из ближайших деревень всегда пользовались хлебом, мукой и, при необходимости, денежным пособием. Многим из крестьян о. Стефан построил избы, купил лошадей, коров, за некоторых внес подати. О. Стефан везде старался совершать дела милосердия.

Зимой 1884 г. пустынь о. Стефана посетил местный благочинный. Все увиденное ему понравилось, и в своем полугодовом отчете о состоянии благочиния он изложил то, что видел. Для нас это тем более ценно, так как, по существу, это первое документальное

Преподобный Стефан в Филейском монастыре

описание Филейского монастыря. Благодичинный писал: «Около села Филейки в лесу иеромонахом Стефаном (Куртеевым) выстроен молитвенный дом, при котором поставлено несколько келлий и дом для приема богомольцев. Молитвенный дом иеромонаха Стефана (Куртеева) построен его попечением и средствами, им самим изобретенными. В этом доме (деревянном) устроен иконостас; в нем есть, между прочим, замечательная икона св. великомученика Пантелеймона, принесенная с Афонской горы; в икону вложено 6 частиц св. мощей. Молитвенный дом иеромонаха Стефана посещает ежедневно множество богомольцев. Отец Стефан в этом молитвенном доме служит для богомольцев молебны и читает акафисты...».

Всякий желающий жить во Христе Иисусе будет гоним

В 1885-м г. вятский епископ Аполлос, сделавший так много для епархии, отошел ко Господу в Слободском Кресто-Воздвиженском монастыре, где находился на покое. При разборе бумаг покойного владыки Вятская Консистория не нашла указа на устройство скита на Филейке. Его и не могло быть, поскольку владыка дал лишь устное благословение. За «самовольность» в построении молитвенного дома и устройении скита основатель монастыря на время разбирательства 9 марта 1886 г. был приговорен к заключению в Вятский Успенский монастырь «с запрещением священнослужения вплоть до раскаяния и сознания нерассудительности своих действий в отшельничестве, под особый надзор о. наместника и духовного старца». Был запрещен и прием посетителей с преподаванием им иерейского благословения. По тому же постановлению был закрыт и скит, молитвенный дом опечатан полицией, а насельники выселены.

Поначалу о. Стефан жил в каменной келлии в Трех-святской церкви, но из-за сырости в ней и плохого

Трифонов монастырь

состояния здоровья его вскоре перевели в деревянную, построенную специально для него благодетелями в монастырском саду. Сюда изредка, несмотря на запрещение, к нему приходили и посетители, но батюшка не особенно жаловал их общением. Сохранилось свидетельство художника Александра Фищева, который, будучи ребенком, посетил старца вместе со своей матерью. В семье недавно умер глава семейства, оставив его в полной нужде. Мать будущего художника пришла к святому отцу за духовной поддержкой и советом. Вот как описывал это Александр Фищев: «...По обещанию, может быть, в благодарность за успех в делах, пешком пошли на Филейку к монастырю о. Стефана... Разнеслась слава о нем по всей Вятской губернии. Пошли... люди, кто ради спасения своей души, кто за разрешением житей-

ских вопросов. Получить у затворника благословение пришли и мы. К нашему огорчению, о. Стефана здесь не оказалось. Власти духовные при помощи светских увезли его в Вятку, в Трифонов монастырь. Здесь мы удостоились видеть о. Стефана, несмотря на запрещение, он все-таки ухитрялся принимать у себя паломников. Помещался о. Стефан в доме на 2 этаже. Дом был большой, с террасой... расположен в фруктовом монастырском саду. Мы вошли на террасу, недолго пришлось ждать. Он вышел — может, лет 50, черный, худой, в подряснике. Мама бух ему в ноги, за ней и я. «Что ты, что ты, зачем, и что тебе надо? — тихо сказал он». Мы встали. «Благослови, нас, батюшко, и научи, как жить». И мама поведала свое горе. «Молись, все в руках Божьих», — сказал о. Стефан. Он благословил нас и произнес: «Идите с Богом». И мы ушли».

Заключение отца Стефана затянулось на несколько лет. Казалось, о нем забыли. Ответа на разрешение открытия скита так и не было. Сам о. Стефан не роптал на жизнь, но предал все в руки Божии, неустанно повторяя: «Помилуй, Господи, меня в уничижение, и милости Твоей великой удостой». Между тем ученики о. Стефана вернулись в обитель и жили только при его ободрении: «Вот, Бог даст, скоро будет скит у меня, и вы будете в нем жить». Сам он не сомневался в благополучном исходе дела: «Я не колеблюсь; как бы то ни было, а будет у меня скит или монастырь». Находясь практически в заключении,

батюшка продолжал писать свои книги, а вырученные от их продажи средства направлял на содержание братьев и обустройство обители. Возможно, именно на эти средства там была построена мукомольная мельница. Кроме насельников, также кормилось по благословению старца до полусотни нуждающихся, а самые благонадежные получали и деньги на свои нужды.

Матфей — «Божий дар»

Обстоятельства знакомства Митрофана Кузьмича — будущего светильника Вятской земли преподобного Матфея Яранского — и о. Стефана не дошли до нас, но это было то время, когда Митрофан был поставлен приказчиком в лавке Столбова, а затем получил в управление и собственную лавку. Когда молодой человек впервые посетил старца, между ними произошло то проникновенное духовное общение, которое определило всю дальнейшую жизнь Митрофана. Они стали часто общаться, и вскоре Митрофан становится любимым учеником о. Стефана, а он — его духовным наставником.

Когда о. Стефана перевели в монастырь, Митрофан Кузьмич оказался ближе к своему учителю: его родной дом на Монастырской улице стоял совсем недалеко от Трифонова монастыря, где в это время находился о. Стефан. Их общение стало частым. Даже отлучаясь куда-нибудь, старец говорил: «Меня, вер-

но, уже Митрошенька ждет». Именно в это время молодой человек принимает окончательное решение принять монашество, но этому мешало то обстоятельство, что на его руках находилась сестра. При этом духовный наставник просил не торопиться: «Научись сердечной умной молитве, рассудительности, покорности воле Божией. Не понимай свое «я» за призыв Божий. Молись, смирайся, и Господь подскажет тебе, как поступить». Митрофан Кузьмич следовал советам своего наставника и старался большую часть времени проводить в молитве. Даже в лавке были везде развешаны листочки с Иисусовой молитвой, которой учил особое внимание уделять о. Стефан, чтобы, куда ни упал взгляд, всегда он мог помнить о ней. «Без смирения нет терпения, а без них нет и монаха». Люди, не знавшие близко Митрофана, считали его не от мира сего, как в свое время относились и к его учителю о. Стефану. Но воистину: *если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3, 18). Однажды, повествует житие святого, Митрофан вернулся очень поздно в свою лавку, пробыв долго у преподобного, проведя время в душеспасительных беседах. Другие служащие решили над ним подшутить и вместо мяса дали ему на ужин свеклы, чтобы проверить смирение будущего монаха, но Митрофан ничем не выдал своего возмущения или другого недовольства и, под общие насмешки, съел свеклу вместо мяса, твердо помня завет своего учителя — «Без смирения нет

терпения, а без них нет и монаха». Насмешники не подозревали, что Митрофан повторил поступок своего духовного отца. Когда старец Стефан в молодости странствовал, то нанялся однажды косить траву за 50 копеек в день, причем хозяин пообещал в случае хорошей работы заплатить больше. Семен проработал у него шесть дней. Когда крестьянин, рассчитываясь, спросил, сколько тот хочет получить, он кротко ответил: «Сколько положишь». И хозяин вместо оговоренной суммы дал ему только 60 копеек, то есть по 10 копеек в день. Семен молча взял деньги и в сердце своем возблагодарил Господа. Жена, заметив поступок мужа, укорила его за несправедливость, на что он ответил ей: «Да видишь, он дурак; если не говорит, что мало, значит, довольно с него и этих денег. Да я и на работе замечал, что он все молчит, думается мне, что он дурак». Чтобы хоть как-то успокоить встревоженную совесть, женщина насыпала котомку сухарей и протянула молчаливому страннику, потом проводила до околицы, попросив прощения за своего мужа. Семен успокоил ее словами Божественного учения и пошел далее. Этих денег ему хватило до самого дома. Вот и Митрофан Кузьмич положил себе во всех случаях жизни поступать так же.

1889 год стал весьма значимым в земной жизни обоих будущих великих вятских святых. Митрофан Кузьмич получил в свое попечение собственную лавку, оставив управление лавками бывшего хозяина, но по-прежнему помогая ему. Из-за этого доходы их сни-

Преподобный Матфей
во время жизни в
Пророчицком монастыре

зились. Сам же Митрофан теперь получил возможность совершенствовать себя не только как приказчик, но и как хозяин собственной лавки, как управленец. По-современному говоря, приказчик совмещал в своей работе функции менеджера по торговле и персоналу. В его ведении были не только товары, но и люди, для работы с которыми нужно было обладать навыками коммуникабельности. В будущем это очень пригодится Митрофану Кузьмичу в монашеской жизни, когда он станет благочинным монастыря.

А в деле отца Стефана наметились перемены к лучшему. Помог в этом его племянник Петр Иванович Куртеев, очень известный купец из с. Аджим Малмыжского уезда, который решил оставить все мирское и уйти в монашество. Он и взял на себя хлопоты об открытии нового вятского монастыря. Всеподданнейшим прошением от 27 октября 1888 г. он ходатайствовал об учреждении в память чудесного события спасения жизни Государя императора и всего его семейства при крушении царского поезда 17 октября 1888 г. мужского общежительного монастыря близ с. Филейки. Возможно, само упоминание о монасты-

ре, освящаемом в честь Августейшей семьи, помогло делу его открытия. Дело дошло до обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который положил доклад на стол непосредственно самому Государю. В ноябре 1889 г. Святейший Синод дал разрешение на открытие при селе Филейка мужского общежительного монастыря во имя святого благоверного князя Александра Невского. В марте 1890 г. Государь император «высочайше соизволил на сие укрепление за монастырем жертвуемых Куртеевым и Рязанцевым недвижимых имуществ».

Незадолго до этого, в июле месяце, в монастыре был освящен главный храм будущего монастыря — церковь в честь Успения Божией Матери. Монастырь должен был существовать по уставу святой Афонской Горы, что было задумкой его основателя, непосредственно жившего на Афоне в свое время; еще одной причиной было то, что его настоятель и ряд насельников пришли сюда с Афона. Поскольку сам о. Стефан пребывал в Трифоновом монастыре, управляющим Филейской обители был назначен иеромонах Августин, долго время живший на Афоне, в Пантелеимоновом монастыре. Собственно, во многом благодаря прп. Стефану Филейскому были установлены тесные связи Вятки и Афона, которые охватили широкие слои вятского общества и имели развитие после смерти старца. На Вятке сложился целый слой священников и мирян, избравших в качестве образца афонский духовный опыт. Как отмечал современник

тех событий, вятский историк А. С. Верещагин, еще «в 1863 г. под влиянием о. Стефана (Куртеева) стал образовываться новый пласт духовенства — «афонское», существующий и доныне, наиболее любимый сегодняшним простым народом».

Сам о. Стефан смог снова вернуться в свои родные места, к своему дорогому детищу и ученикам, только в декабре все того же 1889 года. Он деятельно включился в обустройство обители. Под его руководством и наблюдением началась постройка монастырских корпусов, заготавливался материал для нового храма и рылись канавы для фундамента второго, контуры которого изобразил сам преподобный.

В вечность

В Великий пост 1890 г. старец Стефан сильно заболел и стал слабеть. Летом о. Стефан уехал на лечение в г. Вятку и остановился у своего большого почитателя, купца Ф. Н. Рязанцева, но болезнь оказалась слишком сильна, и старец начал готовиться к кончине, предсказывая, что она случится 15 августа. 10 июля приезжему жителю Кронштадта, отставному унтер-офицеру Василию Бакину, о. Стефан передал книгу своих сочинений для Иоанна Кронштадтского и попросил его молитв, но не о здравии, а об упокоении. 4 августа о. Стефан вернулся из Вятки от Рязанцева в свою пустынную келлию. За десять дней до кон-

Крест на могиле прп. Стефана Филейского

чины о. Стефан, по благословению епископа Сергия, принял схиму с тем же именем, после чего до самой смерти каждый день с 6 по 14 августа приобщался Святых Христовых Таин, и сердце его было постоянно исполнено духовной радости.

За день до смерти к о. Стефану приехал проститься иерей о. Ипполит из Уржума. О. Ипполит спросил:

— Вы не боитесь смерти?

— О, да! Батюшка, даже не могу дождаться прихода ее, не знаю, куда она и девалась. Так хочется умереть!

Отец Ипполит, пощупав его пульс, сказал: «Скоро почиет смертью праведника», на что о. Стефан

Годины о. Стефана. Настоятель Августин с насельниками у могилы преподобного Стефана Филейского. Где-то среди насельников и будущий преподобный Матфей Яранский перекрестился и вздохнул: «Слава Богу, слава Богу, слава Богу». Потом прибавил: «До обедни доживу». Так оно и вышло. Во время литургии на следующий день — 15 августа — о. Стефан мирно отошел ко Господу на 61-м году от рождения.

Он хотел, чтобы похоронили его в глухом углу, за Трехсвятительской церковью Трифонова монастыря, чтобы о нем поскорее забыли. Но епископ Сергей не благословил, сказав: «Где совершал он свои подвиги, там и должен быть похоронен».

Над могилой иеросхимонаха Стефана братия поставила деревянный покров в форме крышки гроба, окрашенной черной краской, в ногах — черный же крест с двумя иконами свт. Стефана Пермского

и св. Симеона, Христа ради юродивого, небесных покровителей о. Стефана при жизни.

Похоронен он был у алтаря главной монастырской церкви. Безусловно, на его похоронах, и, вероятно, в его последние часы мог присутствовать с ним любимый ученик Митрофан Швецов, пока еще мелкий вятский лавочник, но ему предстояло стать не только отражением земной жизни своего великого учителя, но и продолжить путь его духовных подвигов на земле. Продолжить — и в страшные годы гонений дать благословение новым светильникам Церкви Христовой.

Монастырь

Через месяц после кончины о. Стефана, 16 сентября, состоялось официальное открытие монастыря. Вот как его описывал современник: «За 3 дня до назначенного торжества началось движение богомольцев. 16 сентября погода была несколько дождливая, дорога стала грязноватою; но это не помешало усердным присутствовать на церковном торжестве. С раннего утра почти непрерывной цепью шли и ехали по дороге от города к Филейскому Вятскому монастырю. Все площади, дороги, все открытые места сплошь были заняты людьми; в лесу между деревьями плотно стояли лошади и телеги. Такое собрание людей в Вятке бывает разве только в день отправления Чудотворного Образа святителя Николая на Великую реку. По-

Монастырский храм
св. Александра Невского

лагаю, что народу было не менее 10 тысяч. В 9 часов в Успенскую монастырскую церковь, которая была освящена еще в июле прошлого года, прибыл Преосвященный Никон, епископ Глазовский; затем встретили Преосвященного Сергия, епископа Вятского и Слободского. Литургию совершал Преосвященный Сергий, в сослужении были кафедральный протоиерей, ключарь собора,

1 протоиерей и 1 священник из членов Консистории, игумен Агафангел из братии Вятского Успенского монастыря и строитель открывшегося монастыря иеромонах Августин; пение исполнялось хором певчих.

По окончании литургии из церкви последовал крестный ход на место закладки нового храма. В крестном ходе следовал и Преосвященный Никон, по тесноте церкви не участвовавший в литургии. К этому времени изволил прибыть в монастырь начальник губернии, действительный статский советник Алексей Федорович Анисьин. Крестный ход шествовал широкою дорогою, проложенною между высокими елями. Новый храм сооружается на до-

Свято-Троицкий собор Филейского монастыря

вольно широкой площади среди лесу. Вся площадь покрылась народом, густые толпы стояли в лесу со всех сторон, много крестьян видно было даже на деревьях. Началось священнодействие. Громогласное пение Архиерейского хора раздалось по лесу...».

Созданный с любовью, монастырь становился крепостью отеческой веры. Один из местных благотворителей, перечисляя любимые места паломничества своих прихожан, среди таких святынь, как Саров, Соловки, село Великорецкое, называет и Филейский монастырь. Землянка о. Стефана стала почитаться за святыню, многих привлекала афонская икона целителя Пантелеимона, что долго стояла в келлии старца и с которой начинался его скит. С Афона прибыла

Разрушение Троицкого собора безбожниками

сюда не только икона, но и приехало несколько монахов.

Одним из главных дел обители стало строительство Свято-Троицкого собора. Архитектор И. А. Чарушин мечтал осуществить в храме синтез византийской и древнерусской архитектуры. Но к революции его едва успели подвести под крышу. С приходом новой власти было принято решение о разрушении собора, мотивированное необходимостью использовать кирпич на нужды строительства. В отчете Губмузея в мае 1924 года отмечалось, что храм «угрожает обвалом», поэтому его предполагали взорвать,

Братский корпус Филейского монастыря сегодня

что и произошло. К 1930 году от храма не осталось и следа.

Что любопытно, влияние отца Стефана на души было столь велико, что пролетарский публицист Алтайский возлагал на обитель надежду создать здесь не что иное, как большой детский городок, где расцветут «науки, искусства, труд и радость». Но у катастрофы свои законы. Храм взорвали, чтобы использовать кирпич, при этом несложно предположить, что после взрыва от цельного кирпича остались лишь обломки разного размера, совершенно непригодные для использования в строительных целях. А деревянные постройки монастыря разобрали на дрова.

Стёртые следы обители

Не сразу удалось большевикам одолеть и Александрo-Невский монастырь. Один за другим захватывали они корпуса, вытесняли иноков. 25 апреля 1924 года

Филейский монастырь. Реконструкция

монастырь был официально закрыт. Однако в документах Государственного архива политической истории Кировской области сообщается, что в 1927-м году на территорию бывшего Филейского монастыря были изгнаны 180 монахинь из разоренного Преображенского монастыря. Они были верными сторонниками патриарха Тихона, и монастырь стал центром и твердыней противостояния обновленцам. За это вскоре многие из них были сосланы в ссылку, брошены в тюрьму и расстреляны.

Уже к середине прошлого века монастырь был стёрт с лица земли, но паломничество к могиле преподобного Стефана не прекращалось даже в самые буйные годы гонений. Богоборческие власти прилагали все

усилия к тому, чтобы стереть память о подвижнике из людских сердец, но это им не удалось. В 1950-е гг под покровом ночи безбожники разорили могилу о. Стефана бульдозером. Наутро монахини собрали найденные косточки и похоронили их на Филейском кладбище.

Постоянно фиксируются чудеса, совершаемые по молитвам подвижника, в том числе многочисленные исцеления. В 1998-м году была чудесно обретена келейная икона отца

Стефана — чудотворный образ святого великомученика и целителя Пантелеимона с частицей его мощей. 29 октября 2001 года Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил, на основании фактов непрекращающегося народного почитания подвижника и чудотворений по его молитвам, совершить прослав-

Место погребения преподобного
Стефана Филейского сегодня

Крестный ход к месту захоронения честных мощей
преподобного Стефана Филейского

ление преподобного Стефана в лике местночтимых святых Вятской епархии. Прославление о. Стефана состоялось 14 июля 2002 года, было составлено житие и написана икона преподобного, построена часовня. С 2002 года ежегодно к часовне его имени совершается крестный ход.

Интересно, что в народе преподобный Стефан почитается как покровитель педагогов и учителей. Действительно, значительную часть жизни преподобный Стефан посвятил учительству, он учил детей грамоте, но главное, чему он старался научить всех приходящих к нему, — это прославлять своего Творца и следовать путем спасения: «Вот и малая птичка, хотя

и не имеет способности говорить, однако ж пением своим прославляет своего Создателя; один только человек, и при том одаренный от Бога и словом, и разумом, может по воле своей и славить, и не славить своего Создателя, даже и не внимать, как славит его всякая тварь».

«Послушайся же меня, друг мой и брат мой! Как великой милости, я прошу у тебя,— позаботься о спасении. Покайся, друг, покайся! Помолись и обо мне, мой возлюбленный, когда будешь молиться о спасении своем». Но вот пришло время нам испрашивать молитв преподобного Стефана о спасении нас грешных: «нестяжанием обогативыйся и кротостью возвысивыйся, научи и нас подражати тебе и буди молитвенником о нас грешных, преподобне отче Стефане!»

Священник Алексей Веретельников

Подготовлено по материалам:

1. *Ильинская Анна*. Праведник Вятского края преподобный Матфей Яранский. Паломник, 2017 г.

Учитель и ученик.
Преподобные Стефан Филейский
и Матфей Яранский

2. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца иеросхимонаха отца Стефана. Вятка, 1994.

3. *Маркелов А. Григорян В.* Удивительные судьбы. Старец из Филейки. АРХИВ: 1991–1999 Христианская газета Севера России «ВЕРА»-«ЭСКОМ» // <http://www.rusvera.mrezha.ru/6/42.htm>

4. Монастырь на краю пропасти//<https://kirov-portal.ru/blog/monastyr-na-kraju-propasti-2723-17116/?s=40>

5. Великие русские старцы. Преподобный Стефан Вятский (1830–1890). https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/velikie-russkie-startsy/41

6. *Кустова Е. В.* Преподобный Стефан Филейский и традиции афонского монашества на Вятке. // ВЕСТНИК Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 4 (12). 2015, 112-123.

7. *Козак Д. М.* Филейский монастырь в жизни преподобного Матфея Яранского. Вятский архивно-исторический сайт Вятка: наследие// http://urzhum-uezd.ortox.ru/vjatskie_monastyri_nachala_20_veka/view/id/1191744

8. *Козак Д. М.* Благодарное слово о преподобном Стефане Филейском. Вятский архивно-исторический сайт Вятка: наследие //http://urzhum-uezd.ortox.ru/rasskazy_o_vjatskom_dukhovenstve/view/id/1199363

9. *Балыбердин Александр, протоиерей.* Преподобный Стефан Филейский. С мечтой о Вятском Афоне. // http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=640

10. *Кустова Е. В.* Из Вятки в Оптину: письма послушников Филейского Александро-Невского монастыря. // [http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php? NUMBER=number23&ELEMENT=gerzenka23_4_2](http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number23&ELEMENT=gerzenka23_4_2)

11. Филейский Александро-Невский монастырь в г. Вятке. Фото // <http://humus.livejournal.com/3179145.html>

[1] «Молчание есть тайна будущего века, а слово — орудие этого мира».

«Что тебе должно быть молчаливу, порядок слова понуждает нас сказать тебе, и о сем говорит св. Исаак Сирий: «Паче всего возлюби молчание, потому что приближает тебя к плоду и язык немощен изобразить его. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить сие нечто, приводящее к самому молчанию; да подаст тебе Бог ощутить сие нечто, рождаемое молчанием. Но, если начнешь сим житием жителествовать, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда. Когда на одну сторону положишь все дела жития сего (безмолвнического), а на другую молчание, то найдешь, что оно перетягивает на весах». Молчание есть тайна будущего века, а слово — орудие этого мира. Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа. И св. Арсению Божественный глас во второй раз так законоположил: «Арсе-

ние! бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни безгрешности”»).

[2] О том, что после отъезда о. Стефана его помнили на Афоне и поддерживали с ним отношения, говорит следующий факт. Вскоре после смерти прп. Стефана схимонах Денасий написал в своих записках: «Неподалеку от этой каливки небольшая келлия в честь Сретения Господа (келья на территории Пантократорского монастыря. — Е. К.), где уже лет 30 подвизались русские — отец с сыном (по плоти); отец, он же старец келлии, — схимонах Кириак (скончался в августе 1891 г.), а сын и ученик его — иеромонах Виктор. В этой келлии прожил целую зиму в бытность свою на Святой Горе известный старец Стефан, ныне уже перешедший в вечность, основатель мужского монастыря по афонскому уставу, что близ Вятки, «на Филейках». Церковица при келлии маленькая, но чистенькая, иконостас русского вкуса и для пустыни чистенький. Кругом келлии небольшая местность усажена виноградными лозами, смоковничными, ореховыми и другими ягодными деревьями, только в малом количестве. Есть и большое шелковичное дерево». Т. е. на Афоне знали и об основании монастыря на Вятке по Афонскому уставу, быстро дошла весть и о смерти старца.

[3] Будучи духовным писателем, он издавал свои книги в Вятке, Слободском, Москве, Петербурге, Н. Новгороде, Одессе. Множество книг было издано Киево-Печерской лаврой и другими киевски-

ми типографиями. Его книги, написанные глубоко и просто, с опорой на Св. Писание, труды св. отцов и богатый личный духовный опыт, привлекли внимание святогорцев. В течение 5 лет он прислал на Афон книг на сумму более 5 тыс. руб. Впоследствии эти книги были объединены в собрание и составили около тысячи страниц. Вскоре Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне сам стал издавать книги о. Стефана, причем некоторые переиздавались многократно: «Кончина мира, Страшный Суд и вечность мук» (1884, 1887, 1892, 1896, 1901, 1906, 1910), «Молва мира сего и безмолвие» (1882, 1886, 1891, 1908), «О Божием мире» (1882, 1886), «О Божием слове» (1886, 1889, 1896, 1906), «О пьянстве и других богопротивных привычках» (1882, 1888, 1891, 1894, 1896, 1901, 1906), «Об ожидании смерти и приготовлении к вечной жизни» (1884, 1890, 1898, 1903, 1912), «Три слова обидимым, обидящим и скорбящим» (1896, 1903). Издавал книги о. Стефана и Андреевский скит Св. Горы Афон, имевший в Одессе свою типографию. Это «Беседы о служении Богу в праздничные дни» (1891), «Кончина мира и Второе Пришествие Христово» (1906), «О Божием слове и Божием мире» (1891), «О пьянстве и других худых привычках» (1884, 1894), «Познание добра и зла, или Учение как усовершенствоваться в добре и отстать от душевредных желаний и дел» (1895).

Среди них Павел Фёдорович Першин (ок. 1861 г.р.). Он был родом из крестьян Троицкой волости Вятско-

го уезда. Дважды он побывал в Оптиной как паломник, мечтал стать послушником, тем более что оптинский старец Геронтий предлагал ему остаться, но не смог из-за неотбытой воинской повинности. В то же время он нашёл старца, подобного оптинским, на Вятке — иеромонаха Стефана (Куртеева), жившего в пустыньке недалеко от с. Филейского.

Воодушевлённый духовыми подвигами иером. Стефана, П. Першин ещё до открытия Филейского монастыря прожил вместе со старцем несколько лет. Когда иером. Стефан был отправлен в Успенский Трифонов монастырь «под надзор настоятеля», и мысль об открытии Филейского монастыря стала казаться призрачной, Павел написал письмо в Оптину пустынь с надеждой о поступлении. Но судьба его сложилась иначе. Вскоре после смерти иером. Стефана Филейский монастырь был открыт. В марте 1891 г. Павел Першин был пострижен в рясофор, а 19 августа 1892 г. принят в число братства.

Источник: Портал Богослов.Ru.

Содержание

Прообразование и пророчество	
о Пресвятой Деве Марии	5
Рождество Приснодевы	8
Введение во храм	11
Обручение	15
Благовещение	18
Приветствие и величание	23
Недоумение св. Иосифа.	26
Знамение Господне	29
Рождество Христово	32
Первые почитатели Богочеловека	36
Новые боговидцы	42
Бегство в Египет.	44
Жизнь в Египте	49
Безвестная святая жизнь	54
Двенадцатилетний отрок Иисус	
в храме Иерусалимском.	60
Исполнение благого желания	66
Скорбь Богоматери.	68
Великая радость	71
Последующая жизнь Богоматери	72
Успение Богоматери	74

Первое явление	77
Нравственное достоинство и величие Богоматери	79
Слово в день Успения	101
Преподобный Стефан Филейский, продолжатель Афонской традиции на Вятской земле	105
Преподобный Стефан Филейский, продолжатель афонской традиции на Вятской земле	107
Где родился, там и пригодился.	109
На перепутье	115
«Заслуживает особо внимания...»	117
И снова Афон	119
Возвращение	122
Постриг	125
Скит	126
Всякий желающий жить во Христе Иисусе будет гоним	134
Матфей — «Божий дар»	137
В вечность	142
Монастырь	145
Стёртые следы обители	149
Подготовлено по материалам:	153

Преподобный Стефан Филейский

**Жизнь Препоблагословенной Владычицы
нашей Богородицы Приснодевы Марии**

В книгу включено также
жизнеописание иеросхимонаха Стефана
(преподобного Стефана Филейского).

Ответственный редактор *А.В. Блинский*

Технический редактор *В.П. Коваленко*

Корректор *К.В. Шилова*

Издательство «САТИСЪ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.

Санкт-Петербург,

8-921 6523481

satis-redakt@yandex.ru

satis_spb@mail.ru